ЭДУАРД РОСТОВЦЕВ

ИХ ЗНАЛИ ТОЛЬКО В ЛИЦО

ТАЙНЫЙ ФРОНТ

Тайный фронт

Эдуард Ростовцев

Их знали только в лицо

«Алисторус»
2026

УДК 82-311.6
ББК 84стд.1-445.7

Ростовцев Э. И.

Их знали только в лицо / Э. И. Ростовцев — «Алисторус», 2026 — (Тайный фронт)

ISBN 978-5-00269-180-7

Роман классика советской приключенческой литературы Эдуард Исаакович Ростовцева посвящен подвигам советских разведчиков в тылу врага. Шла Великая Отечественная, порты черного моря находились в руках фашистов. Гестаповцы, артисты, моряки, подводники — немцы, итальянцы, советские люди… Война и любовь, все стянуто в тугой клубок. Удастся ли нашим героям выполнить задание? Останутся ли они в живых? Сумеют ли отличить своих от чужих, когда за каждым поворотом подстерегает опасность? Взлетают на воздух немецкие военные корабли, но и над нашими героями-подпольщиками сгущаются тучи… Культовый роман стал основой знаменитого фильма. Читайте классику советского детектива про разведчиков!

УДК 82-311.6
ББК 84стд.1-445.7

ISBN 978-5-00269-180-7

© Ростовцев Э. И., 2026
© Алисторус, 2026

Содержание

Пролог 6
Часть первая. «А было так…» 9
Конец ознакомительного фрагмента. 40

Эдуард Ростовцев
Их знали только в лицо

© Ростовцев Э. И., 2026
© ООО «Издательство Родина», 2026

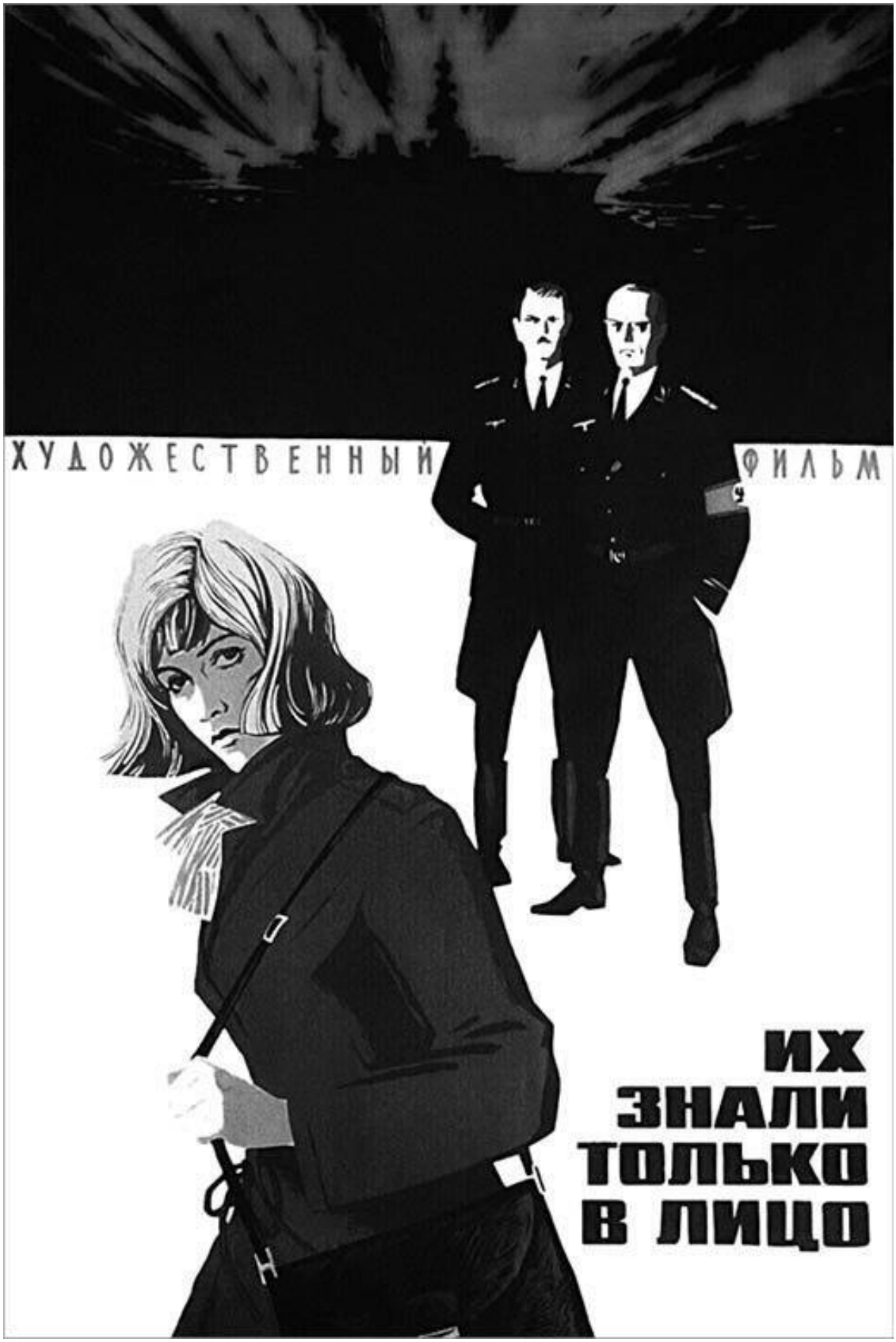
Пролог

В этом городе у моря я был впервые. Раньше я знал о этом только понаслышке – в основном от приятелей, ежегодно проводивших свой отпуск на побережье. Приятели хвалили городские пляжи и большой тенистый парк, рассказывали и прогулках на катерах и экскурсиях в Старые каменоломни. Но я приехал в город перед Октябрьскими праздниками, когда пляжи уже закрыты, деревья в парке сбрасывали листья, прогулочные катера стояли на ремонте. Однако это не огорчало меня. Целые дни я проводил в местной библиотеке, подбирая материал для моей работы о южнорусском диалекте. И только в воскресенье решил осмотреть город.

Широкие улицы принаряжались к празднику. Осеннее солнце поднималось над притихшим с вечера морем. Стоя у парапета Приморского бульвара, можно было видеть, как внизу у причалов грузовые краны, словно гигантские цапли, клевали трюмы судов. Из порта вверх по Баркасному спуску ползли вереницы тяжелых грузовиков.

Мое внимание привлекло объявление об открывшейся выставке работ местных художников и скульпторов.

Уже давно я убедился в том, что знакомство с городом следует начинать с осмотра картинной галереи, если таковая имеется. Никто лучше художников не расскажет о достопримечательностях родного города. Самый добросовестный гид не сумеет передать и сотой доли того, что скажут яркие полотна, бесхитростные зарисовки с натуры, тяжеловесные скульптурные портреты…

Выставка размещалась в небольшом опрятном домике на одной из улиц, круто спускавшихся к морю. Дом стоял у обрыва. Через раскрытое окно было видно, как внизу двое парней спускали на воду спортивную яхту с парусной мачтой…

В пяти небольших комнатах было около двухсот картин и только одна скульптура: стоящая в полный рост девушка с протянутой вперед рукой. Вначале я лишь мельком взглянул на мраморную девушку и подошел к большой картине, изображавшей бой партизан с карателями в Старых каменоломнях. Картина мне не понравилась – слишком уж одинаковым, а потому неестественным было выражение ожесточенной решимости на лицах партизан, слишком испуганны и растерянны были эсэсовцы в парадных мундирах. Я вернулся к девушке. Композиция скульптуры показалась мне необычной и, на первый взгляд, не совсем понятной. Девушка была как бы прижата к бесформенной мраморной глыбе: она не выступала, не вырывалась из камня, а была придавлена к нему. Запрокинутая голова с маленьким ртом, жадно ловящим воздух, отброшенные назад плечи, на которые наваливалась какая-то непомерная тяжесть; круто выгнутая, готовая надломиться спина – все говорило о конце, о последнем мгновении жизни. И только рука, слабеющая, полусогнутая в локте, обреченная через секунду упасть, была устремлена к раскрытому окну, к сверкающему за ним морю. То не был призыв о помощи, не был жест отчаяния – рука приказывала…

Напротив скульптуры возле окна на единственном в этой комнате стуле сидел пожилой моряк с косматыми, сдвинутыми к переносице бровями. Он внимательно, словно отыскивая какую-то погрешность, рассматривал мраморную девушку. На меня он не обратил внимания. И только когда я случайно закрыл от него скульптуру, моряк сердито засопел. Я отошел в сторону и принялся разглядывать серию карандашных зарисовок.

Громко разговаривая, пересмеиваясь, в комнату ввалилась группа подростков – ребят и девушек. Экскурсовод безуспешно пытался сосредоточить их внимание на каком-то пейзаже.

И вдруг оживленный гул голосов смолк. В комнате стало так тихо, что было слышно, как внизу под окном лениво шуршит прибрежной галькой море. Я оглянулся. Молодые люди тесным полукругом обступили мраморную девушку. Прошла минута, другая, а ребята стояли у скульптуры притихшие, серьезные, как-то сразу повзрослевшие.

– Это она, – словно боясь вспугнуть наступившую тишину, тихо сказала длинноногая девчонка.

Никто ей не ответил.

Из комнаты ребята выходили молча, осторожно ступая по навощенному паркету.

Я вернулся к скульптуре и долго смотрел на девушку, на бесформенную глыбу камня, которая своими уродливыми выступами, как щупальцами, обхватывала, сжимала, втягивала в себя стройное, гнущееся тело, и думал о том, что могучая глыба не властна над простертой вперед слабеющей рукой.

Моряк с косматыми бровями по-прежнему сидел возле окна. Я подошел к нему и, немного помедлив, спросил о девушке. Моряк не ответил. Рискуя показаться навязчивым, я назвал себя и снова попросил его рассказать, как погибла девушка. На этот раз он удостоил меня взглядом, но прошло еще несколько долгих и неловких для меня минут, пока я, наконец, услышал его низкий, слегка приглушенный голос.

– Вы литератор? – спросил он.

– Да.

– Конечно, приезжий.

Я кивнул головой, хотя это последнее обстоятельство было для него очевидным. Он встал и подошел к раскрытому окну.

– Вы хотите знать, как она погибла? – глядя куда-то в осеннее обманчиво-спокойное море, спросил он. И тут же, предупреждая меня, быстро возразил: – Вы мало что поймете из рассказа о ее смерти. Ведь смерть сама по себе ничего не объясняет. – Он повернулся и внимательно посмотрел на меня из-под косматых седых бровей. – Я вам расскажу о ее жизни…

Часть первая. «А было так…»

Когда в 1940 году Галка Ортынская поступила на вокальное отделение музыкального училища, ребята со Второй Якорной улицы недоуменно пожали плечами, а Сашка Болбат – моторист рейдового буксира «Альбатрос» – сказал, что Галка сошла с ума. Никто не спорил – у нее был хороший голос. Когда она приходила на Западный мол, портовые мальчишки просили ее спеть одну из полузабытых матросских песен, которых так много знала Галка. Она как-то удивительно тонко умела передать ту скупую тоску, что рождалась в далеких морях у людей, надолго оторванных от родной земли, то мужество, что спорило с ревом штормовых волн, ту бесшабашную удаль, что будила теплые ночи уснувших портов.

Кода она пела, рыбаки на траулерах, ошвартованных близ Западного мола, и грузчики на 17-й пристани умолкали, слушая песню. Молодые штурманы промысловых судов с интересом разглядывали в бинокли стройную загорелую девушку, беспечно восседавшую на молу в почтительном окружении портовых сорванцов.

– Это внучка Семена Петровича, – говорили им, и штурманы поспешно опускали свои «цейсы», потому что не было на побережье моряка, который не знал бы и, говоря откровенно, не побаивался бы Галкиного деда.

Двадцать лет Семен Петрович бессменно пребывал в должности капитана большого торгового порта. Честный и прямодушный, он отличался некоторой грубоватостью, свойственной морякам старой закалки. Но если крепкое слово, сказанное к месту, не обижало моряков, то кое-кто в управлении пароходства не раз упрекал Семена Петровича в старорежимных ухватках. А однажды эти упреки переросли в обвинение. И тогда Семену Петровичу вспомнили и его дворянское происхождение, и его службу в царском флоте, и даже его нашумевшую в свое время женитьбу на итальянской актрисе. Только вмешательство самого наркома, знавшего Семена Петровича еще по Цусимскому походу, положило конец так называемому «делу Ортынского». Но обида не прошла бесследно для старого моряка. Он начал сдавать, а тут еще простудился и заболел воспалением легких. Умер он в самый разгар летней навигации 1939 года.

Смерть деда была первым горем в Галкиной жизни. Она любила его. Только с ним считалась, только его слушалась. Галка не знала матери, а отец… С отцом у нее были какие-то неустановившиеся отношения. Виделись они редко. Алексей Семенович командовал большим грузовым теплоходом, ходившим в далекие рейсы. Два-три раза в году он ненадолго появлялся дома. Высокий, черноволосый, в отлично сшитом костюме, отец разительно отличался от коренастого белобрысого деда, носившего всегда простой темно-синий китель. От отца пахло одеколоном и душистым табаком. Он привозил Галке необыкновенные говорящие куклы с раскосыми глазами. Но куклам Галка предпочитала макеты парусников, что стояли в кабинете деда. Ей нелегко было угодить. Девчонкой все свободное время она проводила в порту: разгуливала по пристаням, где ее знали все, от сторожей до капитанов пассажирских теплоходов; взбегала по шатким сходням на буксиры, где ее появлению всегда были рады; каталась на служебных катерах; загорала на бетоне Западного мола – привилегия, дарованная только мальчишкам со Второй Якорной улицы.

Ее любили за общительный характер, за смелость, с которой приходилось считаться даже высокомерным юнгам, за то, что она чуть ли не с пеленок знала все типы судов. И нетрудно было понять, почему ее поступление в музыкальное училище вызвало в порту удивление. Вместе с тем нельзя было согласиться и с Сашкой Болбатом, который утверждал, что Галка сошла с ума. Сашкино мнение было слишком субъективным. Дело в том, что среди многочисленных достоинств и недостатков Галки Ортынской следовало отметить ее привлекательность. Она не была так красива, как ее отец. Отцовского в ней было немного: только черные густые волосы да матово-нежный цвет лица. А вот глаза у нее были дедовские – серые, с искорками. Такие глаза не часто встретишь. Они обладали удивительным свойством менять свои оттенки. И всегда в них метались искорки: лукавые, насмешливые, сердитые – в зависимости от настроения. Когда-то из-за таких глаз итальянская актриса Валерия Репетти бросила сцену и навсегда осталась в чужеземном городе, где говорили на таком трудном языке…

Когда Галка объявила дома о своем решении, а заодно о том, что она уже зачислена в музыкальное училище, Алексей Семенович откупорил бутылку вина и выпил с дочерью за успех. Но через неделю, уходя в рейс, он сказал Галке:

– В молодости твоя бабушка тоже была актрисой. Она оставила сцену не потому, что на этом настаивал дед, а потому, что не обладала большим талантом. Искусство не терпит посредственности. И она вовремя поняла это.

В глазах дочери вспыхнули сердитые искорки.

– Не всем же быть капитанами, – с вызовом бросила она. – Нужны и матросы.

– Это хорошо, что ты не переоцениваешь своих способностей, – невесело усмехнулся отец. – Верно и то, что в искусстве должны быть свои матросы. Только я думал…

Он не сказал, что думал, а Галка не стала спрашивать – ее самолюбие было уязвлено.

После этого разговора Галка ходила хмурая, как море перед штормом. Бабушка – Валерия Александровна – вздыхала и жаловалась соседкам на тяжелый характер внучки.

Однако дело было не в плохом Галкином характере. В то лето, когда она окончила школу, противоречивые чувства боролись в ней. Она любила море. Не ту лазурную зеркальную гладь, что манила к себе приезжих курортников, а ту неудержимую стихию, что в штормы с ревом обрушивалась на молы, яростно билась у скал Корабельного поселка, рвала якорные цепи океанских лайнеров. Девчонкой она с тайной завистью провожала уходящие в море суда. Какими хрупкими казались рыбачьи баркасы, ныряющие в провалы водяных холмов; каким мужеством обладали те, кто вел эти суденышки навстречу волнам и ветру. Подростком она сама не раз ходила с рыбаками на лов кефали. Умела обращаться с парусом и рулем, ловко гребла и никогда не укачивалась. Бывало, волна сбивала ее с ног; приходилось ей глотать и горько-соленую воду. Но она не боялась моря, и море дружило с ней…

Однако с некоторых пор Галка видела сны, в которых не было ни парусов, ни моря. Притихший многоликий зал, дружный взлет смычков и яркий наряд Карменситы все чаще и чаще снились ей.

Оперу она полюбила сразу, с того первого раза, когда однажды пошла с бабушкой на «Русалку». Не бессмертная музыка Даргомыжского, не прекрасный бас приезжего заслуженного артиста, исполнявшего партию Мельника, поразили в тот вечер Галку. «Русалку» она еще до этого слушала по радио, а басовые партии вообще не любила и только, в виде исключения, признавала шаляпинские грамзаписи. В тот вечер Галку пленило удивительное единение музыки и драматического содержания оперы. Было ли то высокое актерское мастерство исполнителей, или сама музыка органически сливалась с каждой фразой либретто, но девушка забыла о том, что артисты поют. Музыка была неотделима от действия, звучала в каждом слове.

Очарованная, девушка впервые увидела, как надо петь. Не услышала, а именно увидела…

Она стала завсегдатаем городского театра. Если днем ее по-прежнему тянуло к морю, к хорошо знакомым пристаням, на бетон Западного мола, то вечерами ее влекло к торжественному, красивому зданию театра, к огням рампы, к музыке. Как раньше морякам, теперь она завидовала артистам. Они казались какими-то особенными людьми. Им было дано завидное счастье рассказывать со сцены о больших чувствах и прекрасных мечтах…

В то лето, когда надо было решать – море или театр, Галка часто вспоминала дедушку: ей не хватало его совета. С отцом она не была откровенна. Бабушка ратовала бы за все, что угодно, даже за театр, о закулисной жизни которого у нее сохранились далеко не восторженные воспоминания, но только не за море, к которому она всегда ревновала мужа и сына. Галкины друзья со Второй Якорной улицы были детьми моря, и уже сама постановка вопроса «или – или?» оскорбила бы их лучшие чувства.

Впоследствии сама Галка не могла толком объяснить, почему она предпочла музыкальное училище мореходному. Бабушке она сказала:

– Когда я услышала Давыдову в «Кармен», то подумала, что я бездарность. Чтобы окончательно убедиться в этом, я пошла в музыкальное училище. Как ни странно, меня приняли.

Сашке Болбату она сказала:

– Некоторые и в море мелко плавают. А я попытаюсь на суше найти глубину.

Сашка, который был мотористом портового буксира, понял это как намек по его адресу и обиделся.

Осенью, когда вернулся отец, она сказала ему:

– Если я не сдам сольфеджио на пять, то уйду в кораблестроительный и никогда больше не буду петь. Даже дома.

Уроки сольфеджио были для Галки настоящей пыткой. Она не переносила эти бессмысленные «до», «ре», «ми», «соль», которые ей часами приходилось тянуть до изнеможения. К тому же преподаватель сольфеджио Альберт Иванович Логунов раздражал ее. Он был такой же нудный, как его предмет. Трудно было поверить, что этот суетливый, вечно брюзжащий человек возглавлял городской театр. Но Логунов был не только директором театра. Он являлся неизменным и, пожалуй, самым неумолимым членом экзаменационной комиссии. И Галка, скрипя зубами, тянула по вечерам «ми», «ля», «до», «си»… В ту зиму она узнала, как трудно быть упрямой с самой собой.

…И снова отец уходил в рейс. Накануне у Ортынских собрались гости, среди которых была молодая, нарядно одетая женщина с рыжеватыми волосами.

– Нина, – запросто представилась она Галке.

Нине было не больше двадцати пяти лет, но с Алексеем Семеновичем и его друзьями она вела себя как равная: многим из них говорила «ты», называла по имени. Галке она не понравилась: не понравились ее громкий, деланный смех, развинченная походка, чересчур открытое платье и свободный, даже несколько развязный тон, которым молодая женщина разговаривала

с Алексеем Семеновичем. Галке было обидно, что отец не замечал этого и весь вечер не сводил с Нины глаз.

Во время ужина, когда содержимое стоящих на столе бутылок уменьшилось наполовину, Нина подсела к Галке и обняла ее.

– Надеюсь, мы станем друзьями. Я тоже певица. Галка вежливо, но решительно отстранилась.

– Где вы поете? – спросила она Нину.

– На эстраде.

– А точнее – в ресторане «Прибой», – буркнул сидящий напротив старший помощник Алексея Семеновича Шахов.

– Что ты хочешь этим сказать? – вспыхнула Нина.

– То, что уже сказал, – отрезал Шахов.

Алексей Семенович покраснел, заерзал на стуле. Галке стало неловко за него.

– Разве важно, где кто работает? – вступилась она за Нину, чтобы прекратить неприятный для отца разговор.

Шахов усмехнулся и, прищурясь, посмотрел на Галку.

– Как сказал поэт: «Мамы всякие нужны, мамы всякие важны…»

– Почти остроумно, – Галка громыхнула стулом и встала.

Она ушла к себе в комнату и уткнулась в книгу. Вскоре к ней заглянул Леонид Борисович Гордеев – давнишний приятель отца.

– Я тебе не помешаю? Там собираются танцевать, а меня это занятие не прельщает.

– Заходите, дядя Леня, – пригласила Галка и, заметив, что он гасит свою трубку, сказала: – Да вы курите. Окно открыто.

Гордеев сел и принялся сосредоточенно раскуривать трубку.

– Нехорошо получилось, – наконец сказал он. – Нехорошо. Шахов выпил лишнее.

Он посмотрел на Галку из-под густых косматых бровей, ожидая, что та скажет. Но Галка молчала.

– Послушай, Галина, сколько тебе лет?

Он отлично знал, сколько ей лет, но спросил для того, чтобы как-то начать разговор, ради которого – и девушка чувствовала это – зашел к ней.

– Восемнадцать.

– Это уже много, – подхватил он. – Это значит, что ты уже взрослая. Поэтому я буду говорить с тобой как со взрослой. Видишь ли, мы дружим с твоим отцом много лет, и эта дружба дает мне право…

– Зачем так длинно, дядя Леня, – нетерпеливо перебила его Галка. – Давайте по существу.

– По существу так по существу, – согласился Леонид Борисович. – Речь пойдет о твоем отце…

– …и о Нине? – снова перебила его Галка.

Косматые брови Гордеева сошлись на переносице.

– Может, ты помолчишь немного?

– Но речь все-таки пойдет о ней? – не унималась Галка.

– О ней.

– Она мне не нравится.

– Но дело в том, что она нравится твоему отцу.

– Он собирается на ней жениться? – в упор спросила Галка.

Леонид Борисович несколько смутился.

– Не знаю. Он не говорил со мной так определенно.

– Тогда поговорите с ним вы. Скажите, чтобы он не делал этого. Нет, нет, я все понимаю. Я даже хочу, чтобы он женился. Но только не на Нине. И не потому, что она поет в ресторане,

а потому, что отец лучше, понимаете, в тысячу раз лучше ее! Вы тоже так думаете – я знаю. И Шахов так думает. Все так думают! Прошу, поговорите с ним. Поговорите как секретарь партийного комитета. Он вас послушает.

Гордеев невесело усмехнулся.

– Во-первых, твой отец беспартийный, а во-вторых, партком такими делами не занимается. Все это не так просто, Галя. Не так просто, как тебе кажется. Но в чем-то ты права. Обещаю, когда Алексей вернется из рейса, я поговорю с ним…

Но разговор не состоялся – капитан Ортынский не вернулся из рейса…

Теплоход, которым он командовал, ушел в море 21 июня 1941 года. А на рассвете следующего дня Галка проснулась от страшного грохота…

Стены дрожали. Что-то со звоном упало на пол. В раскрытое окно ворвалось душное облако известковой пыли. В комнате рядом испуганно вскрикнула бабушка.

Галка вскочила с кровати и сразу же порезала ногу о битое стекло. Новый взрыв потряс весь дом. Тревожно завыли сирены в порту. И снова, на этот раз уже где-то внизу, в районе грузовых пристаней, один за другим ударили четыре тяжелых взрыва.

На улице кто-то истошно кричал: «Дети! Там остались дети!» Этот крик подстегнул Галку. Бабушкины мольбы не удержали ее. Натягивая на бегу платье, она выскочила на улицу. Густой черный дым и ржавая кирпичная пыль, еще не осевшая после взрыва, закрыли утреннее небо. Из ворот соседнего дома выбегали испуганные полуодетые люди. Им навстречу спешили курсанты мореходного училища. Вместе с курсантами Галка вбежала во двор. Трехэтажный жилой дом был расколот сверху донизу. Весь угол и часть стены фасада рухнули бесформенной грудой, открыв изуродованные комнаты, лестницы, коридоры. В одной из таких разрубленных комнат второго этажа у самого края обвала стояла большая никелированная кровать. Постель на ней была разобрана, подушка еще хранила вмятину от головы спящего человека, но самого человека не было. Вместо него на кровати, круто выгнув спину, в оцепенении застыла кошка. Дикими остекленевшими глазами она смотрела в провал – туда, где еще несколько мгновений назад была обжитая комната и куда вместе с потолком, стенами, полом был сметен ее хозяин.

Война!

Галка не помнила, как у нее очутился лом и как вместе с курсантами она начала разбирать обвалившиеся стены. Из хаоса битого кирпича, балок, рваного железа и обломков дерева, бывшего недавно дверьми, мебелью, оконными рамами, извлекали людей. Большинству из них помощь уже была не нужна…

Галка работала в каком-то забытьи: без отдыха, не разгибаясь.

Только к девяти утра, когда последняя санитарная машина, пронзительно сигналя, выехала со двора, Галка в изнеможении опустилась на какую-то плиту.

Здесь ее и нашла перепуганная Валерия Александровна. Упреки бабушки Галка выслушала молча, даже не пытаясь оправдываться. Так же молча и послушно пошла домой. А вечером к Ортынским пришел Леонид Борисович Гордеев. Он был уже в форме старшего батальонного комиссара. По тому, как секретарь парткома с трудом улыбнулся бабушке, как хмуро нависли над глазами его косматые брови, как, забыв спросить разрешения, закурил он свою короткую трубку, Галка поняла, что в их дом пришла беда.

Она позвала Гордеева в свою комнату и, плотно затворив за собой дверь, спросила прямо:

– Отец?..

Леонид Борисович обнял ее за плечи.

– Будь мужественна…

Словно чья-то рука больно, до крика сжала сердце. Но Галка не заплакала. Она только пристально посмотрела на небольшой портрет, висевший на стене. Художнице, писавшей его, удалось почти с фотографической точностью передать правильные черты лица, веселые темно-карие глаза, крепкую загорелую шею, картинно-небрежно распахнутый ворот белоснежной

рубашки… И все же художница что-то упустила из виду. То ли линии подбородка – упрямые у отца – на портрете были смягчены, то ли слишком была подчеркнута внешняя франтоватость, то ли чересчур весело глядели обычно внимательные, все подмечающие глаза. Возможно, женщина видела отца таким, каким она его написала – еще молодым, красивым, элегантным моряком. Но таким ли был отец на самом деле? Не за красоту доверили ему один из лучших теплоходов пароходства, не за элегантность любила его команда, а молодость не помешала ему стать опытным капитаном…

Галка поймала себя на том, что она сейчас впервые подумала об этом. А раньше? Не глазами ли той художницы смотрела она на отца?

Не отрываясь от портрета, Галка жадно слушала Гордеева.

– …он знал, что началась война, и уже лег на обратный курс, когда у него на траверсе всплыла вражеская подводная лодка. Безоружный теплоход был великолепным призом для фашистов. Алексей понял это и приказал открыть кингстоны. Вот последняя радиограмма с теплохода.

Леонид Борисович протянул Галке сложенную вчетверо бумажку:

«…Машинное отделение затоплено. Ни груз, ни судно не достанутся врагу. Подлодка расстреливает людей в шлюпках. Прощайте, товарищи. Капитан Ортынский».

Буквы прыгали перед глазами.

– Бабушке… не нужно, – с трудом сказала она.

Для нее война началась сразу, рухнувшим домом, последней радиограммой отца. Сразу пришло и решение.

На следующее утро Галка пошла в военкомат. Она не помнила, как ей тогда удалось пробраться к военкому и что она говорила ему. Уже на улице, развернув бумажку, которую ей вручили, она прочла, что Галина Алексеевна Ортынская направляется на курсы медицинских сестер. В другое время Галка возмутилась бы. Ее – в медсестры? Но минувший день заставил по-иному взглянуть на многие вещи. Этот первый день войны принес с собой новые понятия, среди которых было неумолимое – «так нужно». В этих двух словах в то время заключалось больше смысла, чем во многих пространных поучениях, какие впоследствии приходилось выслушивать Галке.

Как-то сразу отошли, стали чужими театр, музыкальное училище, пляжи – все, чем она жила последний год…

Галка уже занималась на ускоренных курсах медицинских сестер, когда однажды на Приморском бульваре столкнулась со своим бывшим преподавателем сольфеджио Альбертом Ивановичем Логуновым. Директор театра был в необычном для него полувоенном костюме. Он сразу узнал Галку и вцепился в рукав ее гимнастерки.

– Галина Алексеевна, вы ли? Настоящий солдат. Это ужасно. Мобилизовать девушек! Что делается, что делается… У меня просто голова идет кругом. Вы знаете, пал Смоленск.

Галке было неприятно слушать этот испуганный шепот, но вместе с тем ей было жалко Логунова. Несмотря на свой полувоенный костюм, который, по мнению Галки, сам по себе уже обязывал к чему-то, Логунов казался растерянным.

– Мне поручили сформировать концертную бригаду для обслуживания воинских частей. Только подумайте: классическую музыку – в казармы! Ну, кому это надо?

Галка согласилась с тем, что сейчас не до музыки. Она хотела еще добавить, что всех театральных работников, не исключая директоров, следует призвать в армию, однако вовремя сдержалась.

Неожиданно Логунов предложил ей поступить в концертную бригаду.

– Нужны эти бригады или нет – не нам решать, – торопливо убеждал он. – Но пока что вам будет неплохо – лучше, чем в каком-то госпитале. А то ведь, упаси бог, вас еще в действующую

армию отправят. Все может быть. Я вам помогу. У меня есть кое-какие связи. Нет, нет, вам это ничего не будет стоить!

Логунову повезло, что в это время Галку окликнул какой-то моряк. Появление моряка заставило Логунова поспешно откланяться. Галка была так возмущена, что не сразу узнала подошедшего к ней Сашку Болбата.

– С кем это ты разговаривала? – поздоровавшись, спросил Сашка.

– С одним гадом, – нахмурилась Галка.

Сашка недоуменно посмотрел на нее.

– Почему же ты раньше мне не сказала? Я бы за тебя окончил этот разговор.

– Не стоило связываться. Лучше расскажи о себе. Где ты сейчас?

– Не видишь, что ли! – Сашка не без гордости щелкнул по своей бескозырке.

– «Военно-Морской Флот», – прочла на ленточке Галка. – Здорово!

– Если интересуешься – запиши номер полевой почты, – будто между прочим сказал Сашка.

Галка записала. У нее был еще час свободного времени, и они прошлись по бульвару.

Фронт приближался к городу. В те редкие ночи, когда не было воздушных налетов, жители окраин слышали нарастающий гул канонады. С каждой ночью гул усиливался, подступая все ближе и ближе к Корабельному поселку. А однажды его услышали днем на Приморском бульваре.

Из порта по Второй Якорной и от вокзала по Садовой улицам в направлении Западного предместья непрерывным потоком шли войска, машины, обозы, отряды женщин и подростков с лопатами и кирками на плечах.

Но в один из дней движение войск по Садовой прекратилось. Вокзальная площадь и прилегающие к ней улицы, – в последние недели до отказа забитые орудийными упряжками, повозками, походными кухнями, – неожиданно опустели: немецкие танки, прорвавшись северо-восточнее города, перерезали железную дорогу.

Теперь войска шли только по Второй Якорной улице из порта. Но уже от Приморского бульвара немногочисленные колонны красноармейцев растекались по трем направлениям: на запад, север и восток. Теперь только море связывало город со страной: морем шли подкрепления; морем эвакуировали раненых, детей и женщин; с моря по наступающему врагу вели огонь корабли флота.

Ценою жизней десятков тысяч своих солдат фашистам удалось прорваться к городским окраинам. Но здесь их остановили, а в иных местах даже отбросили назад бригады морской пехоты.

На Турецком кургане, в Корабельном поселке и Западном предместье советские моряки стояли насмерть. Гитлеровское командование бросало на штурм все новые и новые дивизии. Части, побывавшие в боях с моряками, не отводили в тыл на переформирование – некого было отводить. Но и в батальонах, оборонявших город, с каждым днем становилось все меньше бойцов. Армады «юнкерсов» день и ночь висели над морем, обрушиваясь на суда, идущие к осажденному городу.

Уже давно под госпитали были отведены все уцелевшие здания школ, клубов, гостиниц. Теперь раненых размещали в опустевших магазинах, большие окна которых были наглухо заложены мешками с песком.

Галка работала в госпитале вначале санитаркой, а потом медсестрой. Ежедневно по 16–17 часов – в палатах, где на узких, тесно наставленных кроватях метались в бреду тяжелораненые; в перевязочных, где все было пропитано удушливым запахом крови и лекарств; в операционных, где врачи с серыми от усталости лицами стоя засыпали на те несколько минут, за которые со столов снимали забинтованных, притихших людей, а на их место укладывали других – в окровавленных солдатских гимнастерках, в полосатых сине-белых тельняшках.

Порой ей казалось, что не месяцы, а годы отделяют ее от той самоуверенной и по-мальчишески упрямой девицы, какой она была еще совсем недавно. Галка изменилась даже внешне: похудела, коротко остригла волосы; ее лицо, всегда смуглое от загара, теперь побледнело; от постоянных недосыпаний под глазами легли тени. Знакомые узнавали Ортынскую только по необычному переливчатому цвету глаз да по стройной, подтянутой фигуре: в высоко подрубленной гимнастерке, охваченной широким офицерским ремнем, и начищенных до блеска сапогах.

Был особенно тяжелый день. С утра небо затянуло низкими грязно-серыми тучами, с моря дул пронизывающий холодный ветер, и вздыбленные им волны сердито обрушивались на берег. Заглушая рев штормового моря, со стороны Корабельного поселка катился грохот артиллерийской стрельбы. В госпиталь на Канатной непрерывно прибывали раненые. В приемно-распределительном отделении, куда Галка пошла за бинтами для перевязочной, раненые лежали везде: на топчанах, столах, носилках, на матрацах, расстеленных прямо на полу.

Кто-то хрипло окликнул ее по имени. Галка решила, что ей послышалось, но проходившая мимо сестра «приемника» дернула девушку за рукав и указала на носилки, которые несли два легкораненых матроса.

– Что, певица, своих не признаешь? – с трудом приподнялся на носилках вихрастый старшина второй статьи, в котором Галка узнала Сашку Болбата. Конопатый Сашкин нос заострился, на впалых щеках зловеще разлились синие пятна. Он тяжело дышал. – Опускайте, мальчики, где стоите, – хрипло сказал он товарищам и откинулся на носилки. – Все равно мои пробоины никакая медицина не заделает.

– Рано сворачиваешь паруса, Сашок, – попыталась ободрить его Галка. – Мы еще с тобой за гоночным призом пойдем.

– Кончилась моя гонка…

– Пять штыковых, – тихо сказал Галке сопровождавший Сашку чернявый матрос с забинтованной головой. – Думали, не довезем.

– На, возьми, Микола, – Сашка протянул чернявому измятую, выгоревшую на солнце бескозырку. – Ты ее вместо мичманки надень. Этих ленточек фрицы как смерти боятся… Хлопцы… – Болбату трудно было говорить: – Нельзя тех гадов в город пускать… Это наш, матросский, город, и мы в ответе за него…

Сашка умолк. Потом посмотрел на Галку и слабо усмехнулся.

– Вот что, певица… – Он не окончил: темная густая кровь хлынула у него изо рта.

Потом два пожилых санитара привычно взяли на руки Сашкино тело и унесли.

В каком-то полузабытьи Галка вышла из «приемника». В вестибюле, где находилось эвакуационное отделение госпиталя, кто-то из раненых вполголоса пел на мотив старой матросской песни:

Я встретил его близ одесской земли,
Когда в бой пошла наша рота.
Он шел с автоматом в руках впереди,
Моряк Черноморского флота…

– Вы не хотите эвакуироваться с госпиталем и просите откомандировать вас в морскую пехоту?

– Да. Я подала рапорт.

Галка с недоумением смотрит на пожилого человека в штатском. Ей кажется, что она где-то уже видела эти прищуренные глаза.

– Давно в комсомоле?

– С тридцать восьмого.

– За что имели выговор?

Галка вспыхнула.

– Выговор с меня снят.

– Знаю. Но все-таки, за что вы его получили?

– Это было еще в десятом классе. Меня оскорбил соученик. Я его ударила.

– Чем вас обидел товарищ?

– Он не был моим товарищем. – Галка хмурит брови. «Что ему надо? – сердито думает она. – Как на допросе». Но вслух отвечает: – Он назвал моего дедушку белогвардейцем.

– Может, он имел в виду, что ваш дед был офицером царской службы?

– Мой дед был офицером русского флота! В белой армии он никогда не служил.

– Знаю. – Собеседник почему-то улыбается.

– А если знаете, зачем спрашиваете?! – злится Галка.

– Ого! Крутой характер. Дедовский. А вот лицом больше на отца похожа.

Человек в штатском, встает из-за стола и вразвалку шагает по комнате. По этой походке старого моряка Галка узнает его: Зарудный – секретарь городского комитета партии.

– Простите, Иван Матвеевич. – Девушка краснеет.

– Хорошо, что узнала. А то я уже думал – ты и меня, как того в десятом классе…

– Комиссар госпиталя приказал мне явиться сюда, а к кому – не сказал, – смутившись, бормочет Галка.

– Ну добро! – Он подходит к ней и почти силой усаживает в кресло. – Садись, садись. Разговор будет серьезный.

Он говорит ей «ты», и это льстит Галке.

– Я еще прадеда твоего – контр-адмирала Ортынского помню. Дедушку Семена Петровича отлично знал. С отцом твоим не раз встречался. Правильные люди были. Настоящие русские моряки! Да и ты, говорят, чести Ортынских не роняешь.

Зарудный останавливается перед Галкой.

– Так вот, Галина Алексеевна…

Спустя три часа девушка уже шагала по малознакомой Дмитриевской улице. В широком пальто, в туфлях на низком каблуке.

Вошла в подъезд трехэтажного дома. Кажется, здесь. Поднялась по лестнице и постучала в массивную дверь. За дверью шаги. Щелкает замок.

– Прошу! – миловидная женщина средних лет жестом приглашает ее в комнаты.

Хорошо обставленная большая квартира, навощенные полы, огромный текинский ковер над диваном.

– Если не ошибаюсь, – Галина Ортынская?

– А вы – Зинаида Григорьевна Адамова?

– К вашим услугам. Прошу садиться.

Пока Галка брезгливо разглядывает висящую на стене картину фривольного содержания, Зинаида Григорьевна извлекает из вместительного шкафа какие-то коробки, пакеты в целлофане, дамские сумочки всевозможных фасонов, на спинках стульев развешивает платья.

– Примерьте этот костюм. По-моему, он будет вам впору, – говорит она Галке. – Обратите внимание – строгий английский покрой. Сейчас это модно на Западе.

Галка послушно надевает костюм.

– Неплохо. Здесь придется немного убрать. – В руках Зинаиды Григорьевны появляется портновский мелок. – Юбку надо укоротить. Прекрасно. Теперь наденьте это платье… Вас смущает декольте? Но это – вечерний туалет!.. Хорошо, я немного подниму вырез.

– А совсем закрыть его нельзя?

– Нельзя! – сердится Зинаида Григорьевна. Она говорит безапелляционным тоном избалованной заказчицами портнихи. – Файдешиновое не мерьте. Я уже знаю, как вам его испра-

вить. Набросьте панбархатное. И снимите же, наконец, ваши допотопные туфли! Возьмите те, лаковые.

– Настоящие ходули! – ужасается Галка.

– Обыкновенный французский каблук, – пожимает плечами Зинаида Григорьевна.

За платьями и туфлями следуют шляпы, белье, халаты, плащи. Галка еще никогда не видела столько дорогих и красивых вещей. Клейма иностранных фирм мелькают перед глазами. Но когда Зинаида Григорьевна извлекает из резной шкатулки золотой браслет старинной работы, кулоны, серьги, кольца с драгоценными камнями, – у Галки невольно срывается с языка:

– Но послушайте, откуда это все у меня?

– В дворянских семьях драгоценности переходили из поколения в поколение, – невозмутимо отвечает хозяйка. – Нет ничего удивительного в том, что, скажем, этот браслет когда-то носила ваша прабабушка-адмиральша. А туалеты привозил вам отец из-за границы. Ведь он бывал во многих иностранных портах.

Галка краснеет – поделом ей, чтобы не задавала впредь глупых вопросов!

– Но это еще не все, – продолжает Зинаида Григорьевна, кладя на стол пачки кредиток. – Вот итальянские лиры, это – рейхсмарки, а это – румынские леи. Да, да! Ваш отец был дальновидный человек. Он предвидел события.

Тоскливая боль сжимает Галкино сердце. Отец! Он шел по жизни, высоко держа голову. Многие считали его гордецом и фатом. Но он никогда не был фатом. А гордость… Он любил свой корабль, свое море, свой народ, любил жизнь. И гордость его была от этой любви. Он не склонил головы даже под прицелом торпедных аппаратов… А сейчас где-то среди полусгоревших портовых документов лежит «радиограмма» с теплохода «Казахстан»: «Команда отказалась выполнить малодушный приказ капитана Ортынского и открыла кингстоны, предпочитая гибель позорному плену. Старпом Шахов».

Это неправда! Последняя, настоящая радиограмма с теплохода – та, которую однажды показал ей Леонид Борисович Гордеев, – изъята. Так нужно!

«Пойми, отец, так нужно!» – шепчет Галка. Кутаясь в воротник легкого пальто, она идет против колючего холодного ветра; идет по безлюдному проспекту лейтенанта Шмидта, мимо обгоревших, разрушенных домов с пустыми глазницами выбитых окон; идет по развороченной снарядами мостовой; идет по израненному, опаленному пожарами родному городу.

В ее сумочке лежат пачки иностранных денег, золотые браслеты, бриллиантовые серьги. Завтра ей домой тайком принесут модные платья, английские костюмы, французские туфли. Завтра Галка перестанет существовать. Появится внучка потомственного русского дворянина, дочь непутевого красавца капитана, не дожившего до «лучших времен», – Галина Алексеевна Ортынская. Так нужно!

В сумерки Галка вышла из дому и долго сидела в палисаднике у самой ограды, чутко прислушиваясь к отдаленной ружейно-пулеметной стрельбе. Уже совсем стемнело, когда в конце улицы раздались шаги людей. За железными прутьями ограды Галка различила силуэты. И хотя люди шли в темноте молча, не соблюдая строя, она сразу поняла, что идут бойцы. Они шли к порту. То тут, то там вспыхивали огоньки самокруток, глухо стучали по мостовой солдатские ботинки. Звякнул чей-то котелок, кто-то зло выругался. И опять – безмолвие. Только дробный стук тяжелых ботинок по мостовой. И вдруг совсем рядом чей-то громкий шепот:

– Значит, драпаем, Лева?

– Иди к черту!

– Нет, ты скажи, почему мы уходим?

– Приказ такой.

– А в приказе говорится о тех детях, женщинах и стариках, которые в городе остаются?

– Да что ты, кашалот, из меня душу тянешь?! Отойди! А то по башке дам!

И снова молчание. Только глухой стук шагов.

Уходят… На какое-то мгновение Галке становится страшно. Уходят свои – товарищи, черноморцы, бойцы ее армии. Может быть, уже этой ночью в город войдут фашисты. «Сверхлюди» – безжалостные, наглые, опьяненные победой. Так они входили в Прагу, Варшаву, Париж… Впрочем, не совсем так. Десятки тысяч солдат в серо-зеленых мундирах навсегда остались лежать среди скал Корабельного поселка, у подножия Турецкого кургана, на подступах к Западному предместью…

Галка вспоминает слова Зарудного: «Битва за город не окончена. Она продолжается там, где сражаются наши армии; там, где сейчас сподручнее бить врага. В самом городе мы тоже не складываем оружия. Ни на день, ни на час, ни на минуту оккупанты не найдут здесь покоя. И в том мы клянемся нашему народу!»

Такую клятву дала и она – комсомолка Галина Ортынская.

На фасаде общежития мореходного училища – приказы немецкого командования, еще влажные от клея. Крупным жирным шрифтом – обращение начальника гарнизона и порта вице-адмирала Рейнгардта. Адмирал поздравляет жителей с освобождением от «большевистского ига» и призывает население к спокойствию. Он не скупится на пышные фразы и заверяет граждан, что немецкое командование в самый короткий срок нормализует жизнь города. Чуть пониже адмиральского обращения шрифтом помельче – приказ начальника полиции. Начальнику полиции чужд высокий «штиль» адмирала – в приказе коротко и ясно говорится о мероприятиях немецкого командования по «нормализации» жизни города: всем военнослужащим Красной Армии и коммунистам в двухдневный срок явиться в помещение крытого рынка; комсомольцам в тот же срок зарегистрироваться в городской управе; евреи переселяются в гетто; в городе вводится комендантский час; все огнестрельное и холодное оружие подлежит немедленной сдаче в комендатуру; въезд и выезд из города, а также выход рыбаков в море на ловлю – только по особому разрешению; за неисполнение вышеуказанного – расстрел на месте.

Несколько женщин, подросток в тельняшке под распахнутой курткой и сутулый, неопределенного возраста мужчина в старомодном сюртуке читают обращение и приказ.

– Немец порядок любит, – замечает мужчина в сюртуке. – Ему главное – не прекословь. Страсть как не терпит возражений.

– У Кривенков из двадцать первого дома девочку четырнадцатилетнюю солдаты испоганили, – говорит пожилая женщина в платке. – По-вашему, значит, тем солдатам тоже возразить нельзя?

– Конфуз у любой власти случиться может, – поучает мужчина. – Только злить ту власть все одно не следует.

Галка проходит мимо мужчины и как бы невзначай толкает его плечом. Мужчина шарахается к стене. Испуганно таращит глаза.

– Пардон! – небрежно роняет Галка. – Я хочу объявление посмотреть.

Женщины молча и недоуменно разглядывают девушку – в модном пальто и туфлях на необыкновенно высоких каблуках. Мужчина в сюртуке, кряхтя, потирает ушибленный бок, но тоже молчит. Галка чувствует на себе пристальные взгляды, однако делает вид, что ее интересуют только приказы.

К общежитию мореходного училища подкатывает мотоциклет с коляской. За рулем – немецкий солдат, в коляске – плотный широколицый человек в темной тужурке с черными погонами. Широколицый вытаскивает из коляски ведерко с клеем, идет прямо на небольшую толпу. Все расступаются, а мужчина в сюртуке быстро срывает свою фуражку и кланяется.

– Ивану Корнеевичу, наше почтение.

Широколицый с достоинством кивает головой. – «Полицай» – слышит Галка шепот пожилой женщины.

Под немецкими приказами полицейский наклеивает какой-то новый листок.

– Распоряжение бургомистра господина Логунова, – поясняет он. – Насчет частной торговли. Значит, кто коммерцию открывать собирается – милости просим, только полицию о том известите.

Худощавая женщина читает вслух:

– «По распоряжению немецкого командования сего числа я назначен бургомистром города…»

«Логунов?! Неужели – Альберт Иванович? – думает Галка. – Может, однофамилец?»

Она уже подходила к дому, когда ее окликнул толстый, похожий на колобок мужчина. Это сосед Ортынских – Крахмалюк, бывший саксофонист из ресторанного джаз-оркестра, недавно выпущенный из тюрьмы, где он сидел за спекуляцию. Круглое безбровое лицо Крахмалюка расплывается в улыбке.

– Галочка, я счастлив лицезреть вас. О, вы неотразимы в этом пальто. Какой материал! Где достали, если не секрет? Впрочем, я понимаю, вам сейчас не до этого. – Крахмалюк шумно вздохнул и прижал руки к пруди. – Поверьте, я искренне сочувствую. У меня, знаете, просто волосы дыбом поднялись, когда я прочел об этой истории. Ах, какой человек был ваш отец!

Галка ничего не поняла, но болтовня Крахмалюка насторожила ее. При чем тут отец?

– Как? Вы еще не читали? – Крахмалюк извлек из кармана тщательно сложенный газетный листок.

Это первый номер «Свободного вестника» – двухполосной газетенки, издаваемой городской управой с дозволения оккупационных властей.

– На обороте вверху. Вот здесь.

– «Трагедия в море. Еще один факт большевистского изуверства», – прочла Галка заголовок небольшой статейки. – «Только теперь стали известны обстоятельства гибели теплохода „Казахстан“. В архивах порта удалось обнаружить секретные документы, раскрывающие подлинную картину трагедии, разыгравшейся в открытом море. В первые же часы войны радисты немецкого военного корабля С-35 перехватили радиограмму политического отдела большевистского пароходства, адресованную капитану „Казахстана“. Этой радиограммой предписывалось немедленно потопить красавец теплоход, поскольку последний находился в территориальных водах румынского королевства, объявившего войну большевикам. Немецкие моряки, узнав об этом ужасном приказе, поспешили на помощь обреченному „Казахстану“ и его несчастной команде. Между тем на теплоходе разыгралась потрясающая трагедия. Капитан теплохода Алексей Ортынский, единственный сын некогда блестящего флотского офицера, павшего жертвой ЧК, разумеется, не мог выполнить приказ политического отдела и велел идти в румынский порт, чтобы спасти теплоход и команду. Однако заместитель Ортынского по политической части Шахов, выведав о приказе политотдела, с горсткой фанатиков-коммунистов ворвался в каюту Ортынского и зверски расправился с благородным капитаном. Затем Шахов обманным путем заманил команду теплохода в трюмы и запер ее там. Немецкий военный корабль опоздал всего на несколько минут. Но этого времени Шахову было достаточно, чтобы открыть люки затопления. На глазах потрясенных немецких моряков теплоход быстро погрузился под воду. Шахов пытался бежать на моторном катере…»

Галка с трудом подавила желание скомкать и швырнуть газету под ноги. «Подлецы! Даже врать как следует не умеют, – мысленно негодовала она, – открытое море с территориальными водами путают; беспартийного Шахова замполитом сделали; мерзавцев, расстрелявших безоружных людей в шлюпках, спасителями представили». Она опустила глаза, чтобы Крахмалюк не заметил вспыхнувшего в них гнева. К счастью, бывший джазист не отличался наблюдательностью… Едва Галка кончила читать, как он заговорил:

– Ах, Алексей Семенович, Алексей Семенович! Какой был мужчина! Бог ты мой! Помню, однажды появился он у нас в «Прибое». Высокий, красивый, в кремовом костюме чистого

шевиота с золотым шитьем на рукавах. Женщины были потрясены. Нинка Пустовойтова как раз пела из «Периколы» – это, знаете, «Какой обед нам подавали!..» И вот она, увидев вашего родителя, просто одурела: вместо верхнего «ля» взяла нижнее «до»… Кстати, Нинка эта сейчас вертит Логуновым, как хочет. Говорят, она его бургомистром сделала…

Галка почувствовала, как горят щеки.

– Пустовойтова? – машинально переспросила она.

– Ну, да – Нинка. Вы должны ее знать. Она с вашим отцом…

– Да, да, – поспешно перебила его Галка, – мы знакомы с ней. А Логунов, это какой?

– Боже мой, неужто вы Альберта Ивановича, бывшего директора театра, не знаете?! Между нами говоря, он совсем не подходит для роли бургомистра. Тряпка и ужаснейший трус. Поповского происхождения. В девятнадцатом году в кафешантане выступал, что потом, при большевиках, тщательно скрывал. Но немцы это за большую заслугу не считают. И только благодаря Нинке Пустовойтовой он в бургомистры попал. Она, скажу я вам, настоящий черт. Немецкие офицеры за ней целыми батальонами волочатся. И она везде успевает. Ну, да бог с ней. Вы, Галочка, послушайте разумный совет. Поскольку сейчас статья о вашем родителе появилась, вы можете получить субсидию как пострадавшая при большевиках. Я знаю Логунова и могу помочь вам. Нет, серьезно! Джентльменское соглашение: мне – 25 процентов за посредничество, и ваше дело в шляпе. Получите новенькими оккупационными марками.

– Не стоит вам утруждать себя, – усмехнулась Галка. – С господином бургомистром я хорошо знакома. А за совет – спасибо.

Секретарь бургомистра – молодой, рано облысевший человек – с удивлением смотрит, как девица в модном пальто бесцеремонно кладет на его стол сумочку и начинает медленно снимать перчатки.

– Я – Ортынская. Доложите обо мне бургомистру, – не здороваясь, говорит она.

– По какому вопросу?

Галка не отвечает. Она всецело занята своими перчатками. Наконец она стягивает их и не глядя бросает на стол, почти перед самым носом секретаря. Молодой человек с лысиной как-то бочком подымается с места и, почтительно косясь на Галку, идет в кабинет бургомистра.

«А что если Логунов не помнит мою фамилию?» – думает Галка.

Но вот молодой человек появляется в дверях.

– Прошу, госпожа Ортынская. Разрешите ваше пальто.

В конце длинной комнаты – огромный письменный стол. За массивным чернильным прибором едва видна стриженая голова бывшего директора театра. У стола в глубоком кресле сидит претенциозно одетая молодая женщина. Пышный рыжеватый чуб картинно нависает над ее лбом, полные влажные губы ярко накрашены, на плечах – горностаевое боа. Галка едва узнает ее. Нина Пустовойтова и раньше не отличалась скромностью туалетов, а сейчас она напоминает героиню из легкомысленной оперетты: кружевные перчатки до локтя, сверкающие серьги в ушах, облегающее платье… В свою очередь Пустовойтова с любопытством разглядывает Галку.

Логунов встает из-за стола, подходит к девушке и с чувством собственного достоинства прикладывается к ее руке.

– Нина Васильевна, рекомендую мою ученицу. Великолепное меццо-сопрано. Природная постановка голоса.

Пустовойтова делает вид, что только сейчас узнала Галку, вскакивает, обнимает ее.

– Галя, девочка моя! Как ты повзрослела. А я только вспоминала о тебе. Ты уже читала газету?

– Да.

– Какое несчастье! Бедный Алексей. Шахов всегда был негодяем. – Она достает из перчатки батистовый платочек, осторожно подносит к глазам.

– Я вижу, вы знакомы, – говорит Логунов.

– Еще бы, – уже улыбается Нина. – Мы, можно сказать, почти родственницы. Не так ли, Галя?

Галка молчит. Пустовойтова прячет улыбку.

– Ну, как живешь? Рассказывай. Я тебя не видела целую вечность. Ты похорошела, стала интересной. Не правда ли, Альберт, она очень эффектна?

– Я бы сказал – красива, – подхватил тот.

– Ты находишь? – голос Нины черствеет.

Логунов бормочет что-то невнятное.

– У тебя какое-то дело? – спрашивает Пустовойтова Галку.

– Я хотела просить Альберта Ивановича помочь мне зарегистрировать паспорт. В городской управе ко всему придираются.

Усмешка кривит полные губы Пустовойтовой.

– Ну, конечно, ты только хотела получить от новых властей вид на жительство и избежать неприятностей, связанных с твоей службой в красноармейском госпитале.

– А что ты думаешь? – пытается вмешаться Логунов. – Это очень серьезно. При всем моем уважении к памяти отца Галины Алексеевны я не знаю, смогу ли помочь ей.

– Он хочет, чтобы ты пришла к нему еще раз, – говорит Пустовойтова. – Желательно вечерком, когда, скажем, не будет меня.

– Нина!

– Помолчи-ка лучше, господин бургомистр. Или вот что. Возьми у Галины паспорт и пойди к Мюллеру, оформи, что нужно. А мы пока поболтаем о том, о сем.

Логунов послушно взял Галкин паспорт и, пробормотав извинения, вышел из кабинета. Едва за ним закрылась дверь, Пустовойтова подошла к девушке и бесцеремонно начала разглядывать ее.

– Строгий английский костюм, – комментирует она, – но фигура подчеркнута. А подчеркивать есть что! Прическа в меру скромна. Губки не накрашены. Да к чему их красить – мы еще так свежи! Французский каблучок, литой старинный браслет… Милая девушка из приличной и состоятельной семьи. На мужчин средних лет это действует безотказно. Браво, Галина Алексеевна!

– Уверяю вас, Нина, я не собираюсь никого покорять, – пытается улыбнуться Галка.

– Ой ли! Я не так наивна, чтобы поверить этому лепету о паспорте. После того как появилась статья о твоем отце, тебе не было нужды прибегать к покровительству бургомистра. Немцы не станут преследовать дочь и внучку людей, пострадавших от большевиков. И ты это понимаешь не хуже меня. Короче, зачем ты пришла сюда? Только откровенно!

– Я хочу устроиться на приличную работу, – говорит Галка, понимая, что с Пустовойтовой лучше не спорить. – В городе трудно с продуктами. Меня интересует паек.

– И только?

– И только.

– Ну, если это так, то я охотно помогу тебе. Ты, кажется, знаешь итальянский язык?

– Да. Я, можно сказать, на 25 процентов итальянка. Но, кроме итальянского, знаю немецкий…

– Немецким владею я. Ты меня поняла?

– Поняла, – невольно усмехается девушка. – Однако…

– Никаких «однако». – Пустовойтова небрежно бросает на стол меховую накидку и по-хозяйски снимает телефонную трубку: – Господин Хюбе?.. Да – я… Благодарю вас… О, даже так! На это я вам отвечу несколько позже. А пока у меня к вам дело. Помните, вы просили найти переводчика для полковника Стадерини?.. Вы угадали, я нашла подходящего человека…

Галина Ортынская… Нет, не жена – дочь того капитана. Да, я рекомендую ее… Значит, она может обратиться к Стадерини от вашего имени?.. Благодарю. Я еще позвоню вам сегодня.

Вот уже три месяца Галка работает в итальянской комендатуре. Официально она числится переводчицей коменданта – полковника Стадерини, но фактически к ее услугам прибегают многие офицеры итальянского гарнизона. Если среди немцев немало военнослужащих, более или менее сносно владеющих русским языком, то из итальянцев только Стадерини пытается говорить по-русски. Правда, он с таким же успехом мог бы изъясняться по-японски – все равно его никто не понимает, не удивительно, что его уважение к молодой переводчице растет с каждым днем. Комендант оказывает синьорине Галине знаки внимания: ежедневно в восемь часов утра присылает за ней свой потрепанный «фиат». Огромный, похожий на растолстевшего борца, Стадерини не прочь поухаживать за хорошенькой переводчицей, но он слишком нуждается в ее помощи и не хочет усложнять отношений. Во все свои поездки по городу полковник неизменно берет Галку. Ее рабочий день загружен до предела: Стадерини надо побывать в городской управе, где он потребует рабочих для ремонта казарм и выяснит экономическое положение близлежащих сел; его интересует курс лиры на черном рынке; ему надо непременно заглянуть во все скупочные и комиссионные магазины, прицениться к мехам – полковника они очень интересуют – ну и заодно узнать домашний адрес кокетливой продавщицы. Да мало ли у итальянского коменданта дел, в которых синьорина Галина ему нужна как воздух!

Стадерини доверяет ей, – как-никак в ее жилах течет кровь славных квиритов. Он уже не раз жаловался Галке на немцев. Эти фрицы буквально игнорируют своих союзников – итальянцев: мало того, что немецкий комендант забрал всю полноту власти в городе, он еще отказывается снабжать союзников самым необходимым. Только подумайте: все заведения с девочками открыты в зоне расположения немецких подразделений, все комиссионные и скупочные магазины – там же, даже базар находится под контролем немцев. А вчера, – какое свинство! – эта старая галоша – адмирал Рейнгардт – запретил разгружать вагоны, прибывшие в адрес итальянского гарнизона, и приказал отправить их на фронт. Какое ему дело, что большинство итальянских частей ушло на восток! Это вино следовало в адрес итальянского гарнизона и должно быть выдано ему – итальянскому коменданту…

Галка сочувственно кивает головой. Но, делая вид, что слушает полковника, она думает о другом. Прошло немногим больше трех месяцев, как оккупанты вошли в город, а кажется, что миновало три года. Время зимой вообще тянется медленно, а эта зима была особенной. Холодный колючий дождь сменялся липким снегом, снег – дождем. И – ветры, ветры, ветры… Остервенело воя, они врывались через разбитые окна в нетопленные квартиры, рвали обледенелые провода, сбрасывали на мостовые остатки крыш с разбитых домов. Но люди не отчаивались: весть о поражении немцев под Москвой с удивительной быстротой облетела город. Бравурный тон геббельсовских передач уже не обманывал никого. Салютом Красной Армии в день ее юбилея прогремел взрыв бензохранилища в Западном предместье. На перегонах летели под откос эшелоны с фашистскими солдатами, техникой и боеприпасами. По ночам из Старых каменоломен выходили партизаны, и тогда в Корабельном поселке до рассвета не затихала стрельба. А наутро фашисты хоронили еще несколько десятков своих солдат и офицеров.

Зарудный сказал правду – оккупанты не обрели покоя в захваченном ими городе. Но именно поэтому Галка не находила себе места: ей казалось, что она стоит в стороне от борьбы. Она все чаще и чаще думала о том, что не справилась с полученным заданием – войти в доверие к оккупантам. Она хорошо помнила, как Зарудный, наставляя ее, сказал: «Постарайся устроиться в какое-нибудь учреждение, имеющее отношение к морским делам. Фашисты придают огромное значение нашему порту. Через него они надеются снабжать свои южные армии румынским бензином, без которого их хваленая техника мертва. Не исключено, что здесь будут базироваться их подводные лодки. Нам нужны свои люди в порту».

И вот она – в совершенно «сухопутной» итальянской комендатуре. Казалось бы, мелочь, ерунда – встреча у бургомистра с продажной певичкой. А как все обернулось! Теперь Галка вынуждена довольствоваться ролью переводчицы полковника Стадерини. И мало толку в том, что она неплохо исполняет эту роль. Власть итальянского коменданта распространяется на небольшой окраинный сектор города. Второстепенные сведения, не представляющие особого интереса документы – вот все, что она раздобыла для подполья.

Но сегодня Галка выполняла «настоящее» задание. Правда, она не знала, для чего подпольщикам понадобился «фиат» итальянского коменданта – хозяйка небольшого ателье на Дмитриевской улице не любит отвечать на вопросы, – но скрупулезность полученных указаний и сам тон, которым Зинаида Григорьевна говорила вчера с Галкой, показались девушке необычными.

Первая часть задания была несложной. Шофер полковника Стадерини – плутоватый и словоохотливый Луиджи – нередко отвозил Галку домой, и просьба переводчицы не удивила его, а бумажка в десять марок положила конец его колебаниям…

На одной из пыльных улиц Западного предместья Галка увидела покосившуюся водопроводную колонку и попросила Луиджи остановить машину.

– Я мигом, – сказала она. – Только передам тетушке деньги и вернусь.

– Знаю этот миг, – хмыкнул Луиджи. – От тетушек не так-то просто отделаться. Жду вас пятнадцать минут – не больше.

Галка обещала не задерживаться и вошла во двор грязно-серого дома. Минут через десять она вернулась к машине. Еще издали она заметила, что в кабине рядом с Луиджи сидит какой-то мужчина. Когда Галка открыла заднюю дверцу, шофер обернулся.

– Этот синьор просит подвезти его в город. Не возражаете?

– Пожалуйста, Луиджи. Ведь это ваш заработок.

– О, синьорина, разве пятнадцать марок, это заработок?

– Да, конечно, – отозвалась Галка, подумав, что шофер, наверно, взял с пассажира все пятьдесят марок. Больше пятидесяти давать не следовало – щедрость обычно настораживала, – и Галка предупредила об этом Зинаиду Григорьевну.

Девушку интересовал «попутный» пассажир. Она не знала его. Ей было только сказано, что в условленном месте, куда она должна «подогнать» машину, к шоферу обратится человек в сером пальто и попросит подвезти его в город. От Галки ничего не требовалось. И все же она надеялась, что ее услуги понадобятся пассажиру. Она не могла примириться с мыслью, что ее участие в деле сведено к роли «подгонщика». Но пассажир, видимо, не нуждался в Галкиной помощи – за всю дорогу он ни разу не взглянул на девушку.

Галка сразу обратила внимание на большой черный чемодан, что стоял в проходе между сидениями у самых ее ног. Чемодан был тяжелый. Она убедилась в этом, когда украдкой попыталась сдвинуть его ногой: от напряжения у нее даже затекла нога, а чемодан как будто прирос к месту. И тогда она поняла, что вся история с машиной затеяна из-за этого вот чемодана. Галка стала гадать, что может быть в чемодане. Оружие, типографский станок, рация? Галке хотелось, чтобы в чемодане оказалось оружие – это в какой-то мере примирило бы ее со скромной ролью «подгонщицы». Переброска оружия! К концу пути Галка была почти уверена, что чемодан до отказа набит гранатами. Она даже невольно отодвинулась подальше – чем черт не шутит, взорвутся еще. Но в извилистом переулке за старым рынком пассажир, выйдя из машины, довольно небрежно, хотя и с видимым усилием взял чемодан: дернул на себя и со стуком поставил на тротуар.

– Вот и все, – не глядя на Галку, сказал он и на ломаном немецком языке поблагодарил шофера.

«Вот и все», – повторила про себя Галка и с досады прикусила губу. Однако досада не помешала ей заморочить голову Луиджи, когда тот неуверенно выбирался из лабиринта узких

улочек старой части города. Нарочно сбивая его с дороги, она направляла машину в многочисленные тупики. А когда Луиджи, чертыхаясь, наконец-то выехал на Приморский бульвар, Галка уже не сомневалась, что он не запомнил дорогу. И хотя она сделала это по собственной инициативе, досада не исчезла. Девушка не задумывалась над тем, что бы произошло, если бы по дороге из Западного предместья машину остановили патрули и поинтересовались багажом «попутного» пассажира. А ведь тогда полиция непременно дозналась бы, что никакой тетушки в Западном предместье у Галки нет и что те десять минут, которые машина стояла на пыльной улице у покосившейся водопроводной колонки, Галка разыскивала в ближайшем дворе какую-то несуществующую модистку Катю. Но девушка не думала об этом – она кусала губы: тоже называется задание! На протяжении нескольких дней ее преследовала довольно нелепая мысль, что подпольщики тяготятся ею и что Зинаида Григорьевна время от времени дает ей малозначительные задания только для того, чтобы отвязаться от нее…

После работы Галка зашла к портнихе. Пришлось примерить еще одно новое платье.

Руки Зинаиды Григорьевны проворно снуют среди оборок и складок.

– Ты немного поправилась, – говорит она.

Галка готова провалиться: в городе люди голодают, а она толстеет на итальянском пайке. И почему бы ей не поправляться – работа у нее нетрудная, безопасная. Так, наверно, думает Зинаида Григорьевна.

– Ты не знаешь, – неожиданно спрашивает Зинаида Григорьевна, – почему вчера итальянские солдаты на Черноморской улице срывали немецкие приказы, а наши листовки не трогали?

Галка краснеет. Она только сейчас начинает понимать, что с ее стороны было ребячеством заморочить голову молоденькому лейтенанту – начальнику патруля, которому Стадерини поручил очистить стены домов от листовок. Воззвания подпольного комитета были наклеены рядом с приказами немецкого коменданта, а для того чтобы оккупанты не сразу забили тревогу, листовки были набраны таким же шрифтом и отпечатаны на такой же бумаге, что и фашистские приказы, даже имперский орел в несколько измененном виде был нарисован на этих листовках. Не зная русского языка, по внешнему виду трудно было отличить листовку от приказа. На это и рассчитывала Галка, когда в присутствии полковника Стадерини объясняла не очень сообразительному лейтенанту, какие бумажки он должен срывать с домов, какие – ни в коем случае не трогать. Тут же для наглядности полковник вручил начальнику патруля одну листовку, и только Галка знает, каким чудом вместо листовки в кармане лейтенанта оказался приказ немецкого коменданта…

– Девчонка! – почти не размыкая губ, говорит Зинаида Григорьевна. – Не меня одну – десятки людей ты ставишь под удар.

– Но они ничего не заподозрили, – пытается оправдаться Галка.

– А ты уверена в этом? Думаешь, если тебя не схватили сразу, то они ничего не поняли? Дураками их считаешь! А знаешь ли, что по правилам конспирации мне сейчас из города исчезнуть надо, а тебя…

– Делайте со мной, что хотите, – бледнея, говорит Галка, – но, верьте, я не подвела вас…

– Не знаю, – жестко бросает Зинаида Григорьевна и, забрав платье, выходит из кабины.

Галка устало прислоняется лбом к холодному зеркалу.

– Ну вот, я переставила рукав, – раздается за ее спиной голос хозяйки ателье. – Сейчас должно быть хорошо. Необходимо срочно достать медикаменты, – понижает голос Зинаида Григорьевна, расправляя складки Галкиного платья. – Йод, бинты, стрептоцид. Деньги у тебя есть. Но смотри, без всяких «художеств». Будь осторожна.

Никогда еще Галка с такой охотой не примеряла платье.

Легко сказать: «Достань в оккупированном городе несколько литров йоду и тысячу метров бинта». Частные аптеки отпадают. Не потому, что за ними наблюдают агенты полиции, а

потому что в этих аптеках, кроме слабительного, ничего нет. На базаре у мелких спекулянтов можно купить из-под полы индивидуальные пакеты. Но три-четыре или даже десять пакетов – не решение вопроса. А что если обратиться к Крахмалюку? Через него, говорят, все можно достать. Правда, бывший джазист не задумываясь продаст и Галку, если ему побольше заплатят. Нет, к его услугам она прибегнет лишь в крайнем случае. Зинаида Григорьевна права – надо быть осторожной.

Галка попыталась использовать свои знакомства среди итальянских офицеров. Риск был невелик. Не избалованные победами и трофеями, вынужденные довольствоваться подачками не особенно щедрых немецких союзников, доблестные воины дуче весьма активно занимались коммерцией, нередко пуская в оборот казенное имущество. И если солдаты продавали на рынке краденые сигареты, мыло и консервы, то офицеры «уступали» перекупщикам мошеннически списанное с учета обмундирование, спирт, бензин и даже фураж. При таких сделках, разумеется, лишние вопросы не задавались. Однако Галке не повезло. Единственный врач-итальянец, которого она знала, оказался пьяницей и жуликом. Он заверил Галку, что достанет все необходимое, взял задаток и… пропил его. На следующий день он ничего не помнил или делал вид, что не помнит.

Однако именно этот забулдыга от медицины направил к Галке Вильму Мартинелли…

В конце рабочего дня к Галкиному столу в приемной коменданта подошла молодая женщина в плаще: шумно сбросила мокрый капюшон – на улице только прошел дождь – и тряхнула пышными, коротко подстриженными волосами. Женщина слегка наклонилась к Галке.

– Простите, я не помешаю?

– Слушаю вас, синьора.

– Увы, пока синьорина, – рассмеялась женщина. – Никто замуж не берет.

– Разрешите вам не поверить, – невольно улыбнулась Галка. – Мужчины не долго раздумывают, когда встречают таких красивых девушек, как вы.

Галка говорила искренне. Итальянка была хороша собой: правильные черты нежного лица, ослепительно белые зубы, стройная крепкая фигура. Ее немного портила твердая, почти мужская походка и многочисленные жесты, которыми она сопровождала каждое слово.

– Мужчина мужчине рознь, – весело подмигнула итальянка и тут же протянула Галке руку. – Старший лейтенант Вильма Мартинелли – военный врач. Мне о вас говорил доктор Туроти из гарнизонного госпиталя.

Галка обрадовалась и насторожилась одновременно. Не новая ли это афера Туроти? Но Мартинелли не походила на сообщницу старого пропойцы.

– Наши офицеры, вероятно, замучили вас, – кивая на лежащие перед Галкой документы, говорила Вильма. – Но что поделаешь – итальянцам трудно осилить русский язык. Вообще у вас странная родина, синьорина. Чужеземцам здесь все дается с большим трудом – и язык, и города. Порой мне кажется, что, даже владея языком, не так-то просто договориться с местными жителями. А что делать тем, кто вообще не смыслит ни слова по-русски? Вчера в ресторане я полчаса объясняла официанту, что хочу выпить бокал сухого вина, а в итоге он принес мне наливки.

Из комендатуры они вышли вместе. Немного смущаясь, итальянка попросила Галку зайти с ней в один-два магазина – с продавцами так трудно объясняться. О медикаментах девушка даже не вспоминала. Вначале Галке казалось, что итальянка хитрит, но вскоре убедилась, что та ничего не знает.

Вильму интересовали только магазины. Но в отличие от полковника Стадерини, она ничего не покупала. Галка уже несколько раз замечала, как, осмотрев ту или иную вещь, Вильма с сожалением возвращала ее продавцам.

– Дорого, – сказала она Галке, когда они вышли на улицу.

– Но если синьорина хочет купить то платье, я могу занять ей денег, – предложила Галка.

– Не люблю делать долги, – улыбнулась Мартинелли. – У меня дурная привычка – возвращать их. И прошу вас, не обращайтесь ко мне так официально. Зовите меня Вильмой. А еще лучше – перейдем на «ты». Договорились?

– Договорились.

– Мои старики совсем вышли из строя, – беря Галку под руку, доверительно рассказывала Вильма. – Богатства у нас никогда не было – жили на зарплату отца. Жили неплохо, пока не началась война. Ты не представляешь, как сейчас трудно в Италии тем, кто живет честным трудом. Цены растут из месяца в месяц, а пайки урезывают с каждым днем. Многие буквально голодают. Я отсылаю домой почти всю свою зарплату. А мне так хочется иметь хотя бы пару хороших платьев. Жизнь остается жизнью даже на войне. Конечно, я могла бы иметь деньги и наряды. Этот вице-осел в адмиральской попоне – Рейнгардт – так и липнет ко мне. Кроме меня, никаких врачей не признает. Старая перечница! Ты не подумай, что я святая. Если мне нравится человек, то я плюю на всякие условности. Только вот беда – мне всегда нравятся те, у кого пустой карман.

– Сейчас некоторые офицеры научились добывать деньги, – осторожно вставила Галка.

– Ну, это наука несложная – грабить жителей и обирать пленных, – криво усмехнулась Вильма. – Ты советуешь мне следовать их примеру?

– Ты меня не поняла! – вспыхнула Галка, но тут же взяла себя в руки. – Я говорю о тех, кто занимается коммерцией. Между нами говоря, кое-кто из высокопоставленных лиц, не без выгоды для себя, продает на рынке списанное с учета обмундирование, фураж и даже продукты.

– Интересно, кто же этим занимается? – оживилась Вильма. – Уж не сам ли Стадерини?

– Ну сам он, конечно, на базар не ездит…

– Забавно! – рассмеялась Вильма. – Военный комендант в роли торговца тряпьем. Бегемот-старьевщик. Ну хорошо. Этот толстяк Стадерини может продавать залежалое обмундирование, – снова помрачнела она. – Но что продать мне? Резиновые клистиры или пипетки?

– Мне как-то один человек говорил, что он купил бы йод, бинты и стрептоцид, – как можно равнодушнее сказала Галка – На рынке эти предметы сейчас поднялись в цене.

– Ты серьезно? – остановилась Вильма.

– Так он мне сказал.

– Где можно найти этого человека?

– Я точно не знаю, – замялась Галка.

– Жаль, – разочарованно вздохнула Вильма. – У меня есть несколько сот неучтенных индивидуальных пакетов. Пару литров йода я бы тоже нашла. А стрептоцидом могу целую армию обеспечить.

– Но тебе может попасть, – ликуя втайне, сказала Галка.

– Ерунда! Запас медикаментов у меня сверх нормы. А потом, наши ребята не так уж часто прибегают к моей помощи.

– Но вас могут отправить на фронт.

– Мы воюем здесь, – как-то странно усмехнулась Вильма. – Только у нас не бывает раненых. Вернее, наши раненые никогда не возвращаются на базу. Море не отдает их…

Обрадованная удачей, Галка пропустила мимо ушей последние слова Вильмы. Не обратила она внимания и на то, что под небрежно распахнутым плащом на Мартинелли красовался мундир морского офицера. Потом она долго не могла простить себе эту беспечность…

Итальянка не соврала ей. Вечером следующего дня во двор небольшой пекарни, что находилась в Слободском переулке, въехал юркий «пикап». В окно Галка увидела, как из кабины вышел высокий широкоплечий матрос.

– Кто это? – спросила она стоящую рядом Вильму.

– Сержант Марио Равера. Замечательный парень.

– Пожалуй, мне лучше с ним не встречаться.

– Не бойся, – рассмеялась Вильма. – Марио не из тех, кто выдает друзей. А он – мой друг.

– Вы дружите с шофером? – удивилась Галка.

– Марио – не шофер. Он сел за руль по моей просьбе. Для меня он готов на все… Ну, где же твой коммерсант?

Прихрамывая, вошел пекарь – немолодой краснолицый мужчина.

– Этот, что ли? – спросил он у Галки, показывая палкой в окно. – Степан, Федька! – крикнул он за дверь: – Пособите там господину матросу.

– Я пойду скажу Марио, чтобы он выгрузил ящики, – засуетилась Вильма.

Когда за ней закрылась дверь, пекарь тихо спросил:

– Не продаст нас твоя италийка?

– Нет. Она принимает вас за спекулянта.

– Ишь, придумала, – усмехнулся пекарь. – Ты ей не очень-то верь. Красивая она больно. А красивые к обману привыкшие. Да и деньги, видать, любит.

– У нее тяжелое семейное положение, – неуверенно возразила Галка.

– Ну, сбрехать-то ей недолго.

Галка не ответила. Она смотрела через окно, как огромный Марио, отстранив грузчиков, сам поднял два больших ящика и легко понес их в дом.

Пекарь вышел, но скоро вернулся.

– Не обманула покуда твоя Вильма: товар – что надо. Ну, иди. Дожидает она тебя.

На улице Вильма попыталась сунуть в Галкин карман часть денег, полученных за медикаменты. А когда Галка наотрез отказалась от комиссионных, итальянка пригласила ее в ресторан. Галка уже не знала, как отделаться от новоявленной подруги. Отказаться от денег, а потом и от ресторана – не слишком ли скромно для барышни из комендатуры! Надо было найти какой-то благовидный предлог. Настроение у Вильмы заметно улучшилось, и она говорила без умолку. Они шли вдоль парапета Приморского бульвара, за гранитным барьером которого начинался крутой спуск к берегу. Перегнувшись через парапет, внизу можно было видеть пристанские сооружения и набережную, а молы и даже внутренний рейд просматривались с любого места бульвара. С тех пор как в полуразрушенном, опустевшем порту однажды появились трубы немецких мониторов и румынских транспортов, Галка старалась обходить бульвар. Она не могла видеть чужие флаги в родной гавани…

И вот сейчас, чтобы не смотреть на море, Галка прислушивается к болтовне Вильмы.

– Немцы всегда были заносчивы. А сейчас совсем обнаглели. Даже у нас в Италии они ведут себя как хозяева. Правда, среди них есть красивые мужчины. Пойдем в «Бристоль» – увидишь. Там часто бывает один довольно интересный майор. Но он из этих – «чистокровных», а я их терпеть не могу.

Оглушающий взрыв обрывает Вильму. Галка подбежала к гранитному парапету и застыла на месте. То, что она увидела внизу, надолго осталось в ее памяти. Один из двух румынских транспортов, стоящих под парами у девятой пристани, отпрянув от причальной стенки, медленно валился набок в сторону моря. Как гнилые нитки, лопались швартовые. Сорвавшись с креплений на палубе, какие-то машины в чехлах, сметая все на своем пути, летели за борт. С одного из этих предметов соскользнул брезент, и зоркие Галкины глаза увидели падающий в воду танк. Почти невероятным казалось небольшое облачко белого дыма, по-прежнему невозмутимо струящееся из трубы смертельно раненного судна. Истерически взвизгнула опоздавшая сирена. Еще раз. И вот уже весь воздух пронизывают воющие сигналы тревоги. Беспорядочно хлопают зенитки, хотя безоблачное предвечернее небо пусто. По набережной растерянно мечутся фигурки солдат. И вдруг тонущее судно судорожно вздрогнуло всем корпусом и разломалось почти у самой дымовой трубы. Только после этого по барабанным перепонкам ударил чудовищный грохот второго взрыва.

– Котлы! Они не успели погасить котлы, и туда хлынула вода, – как сквозь вату, слышит Галка голос Вильмы. – Чистая работа! Но ты посмотри, какое нахальство – прорваться днем через заграждения в укрепленный порт и торпедировать это корыто на виду у всех. А говорили, что у русских не осталось ни одной субмарины!

– Думаешь – это подводная лодка?! – взволнованно спрашивает Галка.

– Конечно. Классический торпедный удар! Смотри, смотри! Начинается второе действие. Противолодочные катера пошли на охоту. Сейчас будут сбрасывать глубинные бомбы. Интересно, накроют или нет? Хочешь пари? Ставлю десять против одного за то, что немцы не выпустят лодку!

Галка готова убить Вильму, но быстро разворачивающиеся события заставляют ее на какое-то время забыть об итальянке. Три немецких сторожевых корабля, словно сорвавшись с привязи, выскакивают откуда-то из-за пирса. Зарываясь форштевнями в воду, они на ходу строятся для атаки. С высоты Приморского бульвара сторожевики кажутся игрушечными, но Галка понимает, как опасны для подводников противолодочные корабли, атакующие на сравнительно небольшой, стиснутой молами акватории порта. Мартинелли от возбуждения пританцовывает на месте. Она, видимо, отлично разбирается в происходящем и с каким-то лихорадочным азартом следит за разрывами глубинных бомб.

– Мимо… Мимо… Мимо… – говорит она после каждого взрыва.

Несмотря на растущую неприязнь к взбалмошной итальянке, для которой все происходящее сейчас в порту – всего лишь забавное зрелище, Галка не может удержаться от вопроса:

– Как ты определяешь, что бомбы рвутся впустую?

– Долго объяснять, – отмахивается Вильма. – Верь мне на слово. Уж в этом деле я кое-что смыслю.

Между тем немецкие корабли, достигнув Южного мола, резко сбавляют ход, кружатся на одном месте, потом неуверенно поворачивают назад. Вильма смеется.

– Растерялись фрицы: лодку не могут нащупать. Сейчас опять пойдут в атаку. Но боюсь, что я проиграла пари. Русские подводники, кажется, уже натянули им нос.

К девушкам подходит немецкий патруль.

– Предъявите документы.

Вильма небрежно протягивает офицеру свое удостоверение. Подает паспорт и Галка. Проверив документы, офицер строго говорит:

– В городе объявлена тревога. Фрейлейн обер-лейтенант должна поспешить в свою часть. А вы, – обращается он к Галке, – отправляйтесь домой. Здесь не театр.

Дома Галка запирается в своей комнате и, убедившись, что ставни на окнах притворены, бросается на кровать. Она переворачивается через голову, делает стойку, подпрыгивает на пружинной сетке, молотит кулаками подушку. «Получили! Получили! Получили, гады!» – вполголоса, чтобы не услышала бабушка, приговаривает она.

В этот вечер Галка долго не может заснуть. В керосиновой лампе прикручен фитиль, и слабый, вздрагивающий огонек тщетно борется с темнотой – электростанция дает ток только в дома, где живут немцы. За дверью в столовой монотонно тикают стенные часы. Их стрекочущий звук лишь подчеркивает гнетущую тишину. Изредка где-то на улице приглушенно хлопает выстрел. И снова тишина…

Сколько таких молчаливых, томительно долгих вечеров провела в этой комнате Галка Ортынская с тех пор, как впервые услышала на улице брошенные ей вслед хлесткие, до боли обидные слова: «Продажная девка».

Соседи, за исключением Крахмалюка, не здороваются с ней. Даже бабушка перестала делиться уличными новостями. А однажды, войдя к себе в комнату, Галка увидела, что портрет отца исчез со стены. На ее вопрос Валерия Александровна сердито буркнула: «Не знаю». Но Галка поняла, что бабушка забрала портрет.

Кому она могла высказать свои обиды? Хозяйке ателье на Дмитриевской улице? Но Зинаида Григорьевна была холодна со своей «клиенткой». Правда, она сказала Галке: «Ты неплохо справилась с заданием. Медикаменты доставлены по назначению». Первая похвала за все время. Однако их дальнейший разговор был, как всегда, сух и короток. Жаловаться было некому.

Но сейчас Галка не думала о своих обидах. Сегодня она не чувствовала себя одинокой. Порт, ее порт, где прошло детство, где ей был знаком каждый пал, каждая свая пирса, где все напоминало о дедушке, отце, товарищах, – сегодня, после трехмесячного затишья, снова дал бой захватчикам…

Галка уснула далеко за полночь. Ей снился какой-то сумбурный сон с выстрелами и артиллерийской канонадой, с воем сирен и стонами умирающих.

Днем в итальянской комендатуре царило возбуждение. Младшие офицеры перешептывались в коридоре, куда они обычно выходили покурить. Табачный дым плыл сплошным туманом. Через приоткрытую дверь в приемную, где за небольшим столом в углу сидела переводчица, то и дело долетало: «…русская субмарина», «…немцы растерялись», «…на судне были танки и артиллерия…»

Немцы делали вид, будто ничего не произошло. По радио без конца передавали бравурные марши, на Театральной площади на скорую руку был организован парад подразделений вспомогательной полиции, а гарнизонная газета и «Свободный вестник» на всех полосах напечатали речь фюрера месячной давности.

В актовом зале бывшего Дворца пионеров состоялась торжественная церемония вручения орденов и медалей. Вице-адмирал Рейнгардт – высокий худой старик с дряблыми, отвисшими щеками – от имени фюрера вручал награды офицерам гарнизона. Вечером в ресторане «Бристоль» был устроен банкет.

А ночью город был разбужен новым мощным взрывом. Взрывная волна родилась где-то внизу, в районе набережной, прокатилась над городом и, оттолкнувшись от скал Корабельного поселка, словно издеваясь над всполошенным гарнизоном, ринулась назад, к порту. Из темноты моря в ночное небо гигантским штопором врезалось пламя – горел танкер с авиационным бензином.

До самого рассвета бушевал огонь, озаряя прибрежные улицы зловещим багряным светом, грозя перебросится на портовые постройки и транспорты, стоящие у соседних причалов. До самого утра в порту тяжело ухали глубинные бомбы.

Утром, как обычно, за Галкой приехал Луиджи. По дороге он рассказывал:

– Русская подводная лодка снова прорвалась в порт и снова ушла невредимой. Немцы просто взбесились. Забросали весь порт глубинными бомбами, а толку – никакого.

В итальянской комендатуре уже не таясь говорили о нападении советских подводников. Об этом говорили все, начиная от младшего писаря, кончая самим комендантом. И, конечно, спорили – южный темперамент давал себя знать. Одни полагали, что русских субмарин было две, другие – четыре, третьи называли вообще астрономическую цифру. Полковник Стадерини, который не мог отличить крейсер от тральщика, заявил с обычным апломбом, что, по его мнению, в подводной части мола есть тоннель, через который русская субмарина всякий раз проникает в порт. «Иначе, – разглагольствовал полковник, – нельзя объяснить, каким чудом русские дважды безнаказанно проходили через мощные противолодочные заграждения». Несмотря на абсурдность такого предположения, все сразу согласились с комендантом. Галка не принимала участия в разговорах. Пусть думают, что происшедшее мало интересует ее. Она лучше всех этих пехотных и артиллерийских офицеров знала флот, но и она не могла понять, почему советская подводная лодка, однажды прорвавшись в порт и благополучно избежав преследования, через сутки пошла на второй прорыв. Даже очень храбрые люди за такое короткое время в одном и том же месте не стали бы дважды испытывать судьбу.

Каждый день после работы Галка заходила в хлебный магазин на Пушкинской улице, к которому были «прикреплены» те, кто работал у оккупантов. Ходить в магазин для Галки было настоящей пыткой. Прохожие – голодные люди – с жадностью смотрели на хлеб, но даже оборванные, невероятно худые мальчишки, стайками шныряющие около рынка, редко просили у магазина: сильнее голода было презрение к тем, кто продался за этот хлеб.

В магазин она шла, как и всегда, через рынок – так было короче. До войны здесь царил веселый гомон южного базара. Она помнила этот базар. Все, чем было богато побережье, алело, зеленело, желтело, серебрилось на столах, прилавках, подводах, грузовиках. Но теперь базарные прилавки были пусты; все, что мог продать или купить человек, помещалось в небольших плетеных кошелках, а чаще всего – в карманах или даже за пазухой. Впрочем, сейчас купля-продажа вообще не пользовалась успехом: люди меняли. За новый костюм давали кусок сала, за буханку хлеба – часы, крупу меняли на табак, табак – на кукурузу… Какие-то молодые люди предлагали самогон в аптекарских склянках и наркотики.

Нагловатого вида парень в щегольских клешах и шелковой косоворотке играл новенькими карманными часами перед носом румяного старичка в старомодном котелке.

– Хватит тебе Ваньку валять, – говорил ему старичок. – Давай за пачку табаку.

– Что вы, господин коммерсант! Да разве это цена такому шикарному механизму! Его же в Швейцарии в тамошних знаменитых горах собирали. Понимать надо!

– Знаю, где ты собирал этот механизм, – сердился старичок, – в чужих карманах!

– Ша, господин фабрикант! Не будем вдаваться в историю предмета. Ведь что такое, спрашиваю вас, история? Это то, что никто из присутствующих не видел. Но ближе к делу, как говорят в столовой. Две пачки и – забирайте товар.

Галка уже миновала базар, когда парень с челкой преградил ей дорогу.

– Фрейлейн, только для вас! – заорал он и вытащил из кармана дамские чулки. – Прямо из Парижа, клянусь вашим здоровьем!

Галка уже хотела оттолкнуть нахального спекулянта, когда тот тихо сказал:

– Мы с вами, кажется, встречались в Гаграх на пляже.

Это был пароль.

Галка молча взяла чулки и принялась рассматривать их. Парень стоял перед ней, засунув руки в карманы, и, притопывая ногой, напевал:

Мне здесь знакомо каждое окно.
Здесь девушки красивые такие…

– Ателье на Дмитриевской провалено. Тебе надо выждать несколько дней…

…Эх, больше мне не пить твое вино,
И клешем не утюжить мостовые.

И опять тихо:

– В крайнем случае иди по адресу: Михайловская, 71, во дворе налево. Спросишь гравера.

Галка купила у парня чулки, зашла в магазин, взяла хлеб, неторопливо прошлась по Пушкинской улице, остановилась на углу около пестрой афиши, которая оповещала о предстоящем открытии городского театра, и только потом не спеша направилась домой. Все это она проделала нарочито медленно, словно наслаждалась погожим солнечным днем, напоенным душистым запахом цветущих акаций. Но на душе у нее было неспокойно. Что произошло в ателье на Дмитриевской улице?

Прошло несколько дней. Казалось, ничего не изменилось. Каждое утро, как обычно, за Галкой приезжал «фиат» итальянского коменданта; днем она по-прежнему сопровождала полковника Стадерини в его официальных и неофициальных визитах, переводила, печатала и заученной улыбкой отвечала на комплименты дежурных офицеров. На душе было тревожно. Всеми силами она старалась держать себя в руках, но перед самой собой вынуждена была признать, что прежняя самоуверенность изменила ей. Вечерами чутко прислушивалась к малейшему скрипу калитки во дворе, а в комендатуре искоса следила за каждым немецким офицером. Порой из каких-то тайников сознания всплывала липкая, до дрожи неприятная мысль: «Что, если Зинаида Григорьевна назовет мое имя?» Галка гнала эту мысль, и все же временами ею овладевало чувство беспомощности. Ни бежать, ни укрыться. Галка понимала, что иначе нельзя, что она нужна тем, кто прислал связного, и нужна именно там, где сейчас находится – в итальянской комендатуре; что люди, приславшие связного, знают – у Галки Ортынской достаточно мужества, чтобы не дрогнуть в эти дни. Она понимала все, но, возможно, поэтому ей было еще труднее. Неотступно перед ней стоял образ Зинаиды Григорьевны. Как там она? Что с ней?

В один из таких напряженных, томительных дней в комендатуре неожиданно появилась Вильма Мартинелли, пропадавшая где-то в последнее время. На Вильме было нарядное шелковое платье, лоб ее прикрывала широкополая шляпа, высокие каблуки лакированных босоножек смягчали, делали плавней ее обычно твердую, почти мужскую походку. Галка вначале даже не узнала ее, а узнав, весело рассмеялась.

– Вильма, да ты похожа на кинозвезду!

Сама не зная почему, Галка обрадовалась Вильме. Может быть, причиной тому было штатское платье итальянки, в котором она казалась чужой здесь, в приемной коменданта, среди толпящихся патрульных офицеров. Но, вероятно, дело было не только в том, что старший лейтенант Мартинелли, наплевав на приказ об обязательном ношении формы, среди бела дня явилась в комендатуру в нарядном платье. В этой красивой взбалмошной итальянке было что-то такое, что располагало к ней. У Вильмы было много недостатков, но добрую их половину Галка прощала уже за то, что Мартинелли не любила эсэсовцев и всех, кто носил свастику. Вильма предложила пойти погулять и даже уговорила полковника Стадерини отпустить Галку пораньше.

На улице обычно словоохотливая Вильма удивила Галку своей молчаливостью. Отнеся это за счет ее молниеносно меняющегося настроения, Галка шутливо спросила:

– Как твои сердечные дела? Адмирал Рейнгардт по-прежнему предпочитает тебя другим врачам?

Красивое лицо итальянки вдруг стало багровым, с губ сорвалось ругательство.

– Вильма, что с тобой?

– Со мной? – Мартинелли зло рассмеялась: – Что со мной может произойти? В худшем случае я достанусь на обед здешним рыбкам. Это не такой уж плохой конец для моряка.

– Но ты врач.

– Врач! Я была когда-то врачом, а сейчас… – она оборвала фразу и крепко взяла Галку за руку. – Идем в «Бристоль». Посмотришь, как я напьюсь.

Непонятная нервозность спутницы насторожила Галку. Вильма чего-то недоговаривала. Именно поэтому Галка догадалась, что отнюдь не любовные домогательства престарелого начальника гарнизона и порта взволновали итальянку. О чем умалчивает обычно откровенная Вильма? Возможно, у нее неприятности на службе? И вдруг мысль о том, что Вильма не столько врач, сколько морской офицер, поразила Галку. Месяц назад, когда она познакомилась с итальянкой, ее интересовали только медикаменты. В другой связи она как-то не думала о Вильме. Но вот сейчас Галка вспомнила фразу, однажды оброненную Мартинелли: «…наши раненые не возвращаются на базу». Значит, в порту базируется какое-то подразделение ита-

льянского военно-морского флота? Но за все время оккупации Галка не видела у причалов ни одного итальянского корабля.

В одно мгновение Галка забыла о провале явки в ателье и о своих недавних тревогах. Теперь ее занимало только одно – подразделение, в котором служит Вильма. Галка вынуждена была признать, что, несмотря на кажущуюся беспечность, ее знакомая не любила распространяться о служебных делах.

– Ну, что ж – в «Бристоль» так в «Бристоль», – согласилась Галка.

Укрываясь от палящего солнца, они шли в тени развесистых каштанов. Был первый по-настоящему летний день. На углу Садовой улицы и Приморского бульвара, в каких-то ста метрах от «Бристоля», дорогу им преградили два подвыпивших эсэсовских офицера.

– Эрнст, посмотри, какие красотки! – заорал кривоногий штурмфюрер с рыжими всклокоченными усиками над верхней губой. Другой – худощавый высокий блондин с угрюмым ассиметричным лицом – вразвалку подошел к Вильме и бесцеремонно ущипнул ее за подбородок.

– Я давно мечтал о такой…

Он не договорил. Молча и абсолютно спокойно Вильма повернулась к нему боком и коротко, по всем правилам бокса, ударила эсэсовца в лицо. Удар был так силен, что офицер упал на тротуар.

– Chebestia, – сквозь зубы процедила итальянка.

Второй эсэсовец, отпрянув назад, рванул с пояса пистолет. Не отдавая себе отчета в том, что делает, Галка подскочила к нему и схватила за руку. Кривоногий попытался оттолкнуть ее, но с Галкой не так-то легко было справиться. А тем временем Вильма уже выхватила из сумочки маленький пистолет.

– Партизаны! – не своим голосом заорал кривоногий.

– Галина, отойди, я убью эту скотину! – крикнула Вильма.

От «Бристоля», расстегивая на ходу кобуры, к ним бежали немецкие офицеры. У Галки засосало под ложечкой. Только сейчас она поняла, в какую историю попала… Кто-то из подбежавших рванул ее за ворот, кто-то больно ударил по щеке. На Вильму набросились два офицера. Галка с ужасом подумала, что итальянка сейчас начнет стрелять и тогда – конец. Но Вильма не выстрелила. Размахивая пистолетом, она лихорадочно оглядывалась по сторонам и вдруг, пронзительно свистнув, закричала по-итальянски:

– Друзья, на помощь!

Галка не сразу поняла, что произошло потом. Четыре офицера итальянского военно-морского флота врезались в свалку. Немцам пришлось туго, хотя численный перевес был на их стороне. Толстый обер-лейтенант, крутивший Галке руки, получил такой удар, что потом долго не мог повернуть головы. Особенно досталось двум эсэсовцам. Галка не понимала, почему немцы не стреляют. Они вообще не особенно церемонились с итальянцами, а тут еще такая драка. Но она удивилась еще больше, когда немецкий майор с рассеченной в потасовке губой сердито сказал одному из итальянцев:

– Стыдитесь, капитан-лейтенант, вы ударили старшего по званию. Только то, что вы награждены высшим орденом рейха, удержало меня от применения оружия. Но я этого так не оставлю.

– Вам ли говорить о стыде, господин майор, после того, как вы подняли руку на женщину! – на чистом немецком языке резко ответил итальянец.

Майор, круто повернувшись, ушел.

Другой немец – толстый обер-лейтенант, потирая шею, сказал примирительно, обращаясь к тому же итальянцу:

– Не сердись, Фарино. Мы не знали, что это ваши дамы. – И тут же осклабил металлические зубы. – Ну и дерешься же ты, черт!

– Утешьте себя мыслью, Мюллер, – рассмеялся третий немец – молоденький лейтенант в очках, – что вы получили затрещину от чемпиона мира.

С кислыми улыбками немцы принесли извинения девушкам и ретировались.

Пока Вильма рассказывала своим товарищам, из-за чего началась драка, Галка внимательно разглядывала итальянских моряков. Все четверо были довольно молоды: старшему из них – Умберто Фарино – не было и тридцати лет. Они, по-видимому, были боевыми офицерами – у каждого на тужурке в несколько рядов пестрели орденские ленточки, а у Фарино, кроме того, красовался немецкий Рыцарский крест. Еще раньше Галка обратила внимание на то, что все четверо были плечистыми, физически развитыми людьми…

– Amicimiei! – спохватилась Вильма. – Я забыла вам представить мою подругу. Это Галина Ортынская – та, о которой я говорила тебе, Умберто. Ее бабушка – наша соотечественница.

Галка вмиг оказалась в центре внимания. Драка была забыта. Выслушав за минуту не менее сотни комплиментов, сыпавшихся одновременно с четырех сторон, Галка невольно рассмеялась и закрыла уши.

– Синьоры, прошу пощадить мои барабанные перепонки!

– О, вы прекрасно говорите по-итальянски!

– Настоящая римлянка!

– Наше знакомство следует отметить!

– Внимание! Курс на «Бристоль». Гвидо идет в авангарде, Анастазио замыкает. Полный вперед!

Время было обеденное, но на эстраде ресторана уже играл оркестр, и пышнотелая, ярко накрашенная девица хрипло пела двусмысленные куплеты. Сидящие за столиками немецкие офицеры вяло аплодировали. Появление итальянцев было встречено настороженным любопытством. Видимо, тут уже знали о драке.

– Идемте в отдельный кабинет, – сказала Вильма. – Я не могу видеть эти самодовольные рожи.

Но все кабинеты были заняты.

– Не желаете ли пройти в Голубой зал? – на ломаном немецком языке предложил метрдотель. – Там мало посетителей.

В небольшом зале, окрашенном в лазурные тона, не было ни эстрады, ни декольтированных девиц, не было тут и немцев. Два румынских морских офицера сосредоточенно пили водку.

– Мамалыжники поминают свои корыта, – усмехнулся один из итальянцев.

– Я не понимаю твоей шутки, Гвидо, – заметил коренастый, крепко сбитый Анастазио. – Румыны – наши союзники, и гибель их транспортов – факт довольно печальный.

– Иди ты к богу со своими наставлениями, – огрызнулся тот.

– Друзья, перестаньте спорить, – вмешался старший по званию Фарино. – Мы не за этим сюда пришли.

– Как хочешь, Умберто, – пожал плечами Гвидо. – Но я считаю, что русская субмарина просто классически потопила эти лохани. Надо быть объективным.

– Я не уверен, что это была подводная лодка, – покачал головой Фарино. – Но прекратим этот разговор. С нами девушки, и мы можем показаться невежливыми.

Подошел официант.

– Мускат «Красный камень», как всегда?

– К дьяволу мускат! – встрепенулась притихшая было Вильма. – Галина, скажи ему, чтобы принес водку. Только холодную. Хочу напиться!

– Что с тобой? – удивился Фарино.

– Синьорина Мартинелли не может забыть эту историю с госпитальным судном, – вмешался Анастазио.

– Не у всех такая короткая память, как у тебя, – сердито буркнул Гвидо.

– Какие нежности! Слушая вас, можно подумать, что вы святоши, а не боевые моряки.

– Не много мы прибавили вчера к нашей боевой славе.

– Война есть война, – вмешался Фарино. – Пора примириться с тем, что на войне убивают.

– И с убийством раненых примириться тоже? – вспыхнула Вильма.

– То была ошибка.

– Когда встречаешься с врагом, у тебя нет времени спрашивать, залечил ли он прошлогоднюю рану, ты просто стреляешь, – хмыкнул Анастазио.

– Но топить госпитальное судно подло! – крикнула Вильма. – Неужели вы не понимаете?

– Мы не виноваты, – спокойно возразил Фарино, вытирая салфеткой бокал. – Немцы подвели нас. Однако хватит об этом. Синьорине Гале наскучил наш разговор.

Галка едва сдерживала негодование. Она старалась не глядеть на своих новых знакомых, чтобы не выдать себя. Еще полчаса назад они казались ей простыми, симпатичными парнями, ни в какое сравнение не идущими с гитлеровскими бандитами, но теперь она поняла, что эти «симпатичные» парни недалеко ушли от своих немецких союзников. Потопить госпитальное судно! Что может быть подлей, трусливей этого омерзительного преступления? Даже Вильма с ее застольным возмущением стала неприятна Галке. И все же девушка внимательно прислушивалась к отдельным репликам офицеров. Он еще не все понимала, но то, что она слышала, было чрезвычайно важно. Итальянский военно-морской отряд все больше и больше интересовал ее.

Однако разговор за столом не клеился. Было душно. Анастазио настойчиво ухаживал за Галкой. Фарино о чем-то тихо говорил с Вильмой. Гвидо сосредоточенно тянул вино. Четвертый офицер – чернявый лейтенант с франтовскими усиками – пытался рассказать какой-то анекдот, но его не слушали.

– …Рейнгардт – старший по званию, и командир должен был подчиниться, – уловила Галка обрывок фразы. Фарино пытался в чем-то убедить Вильму. Та молча слушала, поглядывая на графин с водкой.

– За честь знамени, за короля! – явно некстати поднял бокал четвертый офицер, имени которого Галка не запомнила.

Мужчины встали.

– Это девиз нашего отряда, – шепнул Галке Анастазио.

– К черту! О какой чести теперь говорить! – ударила кулаком по столу Вильма. – Ненавижу этих варваров, этих убийц стариков и детей! Они и нас сделали палачами! Какая может быть честь у палачей?

– Старший лейтенант Мартинелли! – надулся Анастазио. – Вы забываетесь! Я не позволю в моем присутствии…

– Пойди, донеси на меня в OVRA! – заорала Вильма.

– Вильма, ты сошла с ума, – попытался остановить ее Фарино. – Достаточно на сегодня и одного скандала. В соседнем зале немцы. Сейчас же замолчи! Тебя могут услышать.

– Пусть слышат! Жаль только, что никто из этих скотов не понимает по-итальянски!

– Простите, я не помешал? – на довольно сносном итальянском языке произнес кто-то за Галкиной спиной.

Все обернулись. Галка увидела черный мундир, перехваченный ремнем с портупеей, серебряные молнии на бархатных петлицах и свастику на рукаве.

– Позвольте представиться, – щелкнул каблуками гестаповец. – Штурмбаннфюрер Хюбе, или майор Хюбе – как будет угодно.

Итальянцы быстро переглянулись.

– Чем могу быть полезен, господин штурмбаннфюрер? – поднялся Фарино. Вид у капитан-лейтенанта был не особенно приветливый.

– Прежде всего, – не замечая недоброжелательных взглядов, продолжал Хюбе, – от имени полиции безопасности и командования СС я приношу вам, синьор капитан-лейтенант, и вам, синьоры, извинения. Офицеры, оскорбившие ваших дам, будут строго наказаны.

Штурмбаннфюрер, казалось, заискивал перед младшим по званию Фарино, и это, видимо, льстило тому.

– Я и мои друзья незлопамятны, – уже добродушно сказал итальянец. – Вашу руку, майор!

– Рад познакомиться, – улыбнулся Хюбе. – Я много слышал о вас, капитан-лейтенант, и даже имел честь присутствовать на церемонии вручения вам Рыцарского креста. Вы, безусловно, заслужили эту высокую награду. От души поздравляю!

Фарино, пряча самодовольную улыбку, представил штурмбаннфюреру своих товарищей. Когда очередь дошла до Вильмы, она демонстративно повернулась к Галке и заговорила о каких-то пустяках. Но гестаповца смутить было трудно.

– Синьорина Мартинелли, – обратился он как ни в чем не бывало, – вам и вашей подруге я приношу извинения особо. Я слышал мнение некоторых морских специалистов, что флот, в котором служит такая женщина, как вы, непобедим. Теперь я полностью разделяю это мнение. Любой моряк, встретясь с вами, должен сразу же признать себя побежденным. Если он, конечно, мужчина.

– Приберегите комплименты для девчонок из соседнего зала, – ответила Вильма, но в голосе ее уже не было злости. – К тому же вы не моряк, штурмбаннфюрер, и, следовательно, вам не грозит поражение, – смягчаясь, добавила она.

– Синьорина, я сегодня же подам рапорт о переводе на флот.

Вильма снисходительно улыбнулась.

– Если не ошибаюсь, – госпожа Ортынская? – вдруг по-русски обратился к Галке гестаповец.

У девушки екнуло сердце.

– Вы меня знаете?

Хюбе коротко рассмеялся.

– Как же мне не знать свою протеже? Правда, я рекомендовал вас полковнику Стадерини заочно, по просьбе нашей общей знакомой, но потом я интересовался вами.

Галке показалось, что в последней фразе крылся какой-то намек. Она насторожилась, но ответила с беспечной, даже немного кокетливой улыбкой:

– Я очень благодарна, господин майор, за ваше содействие.

– Это первая благодарность, полученная мною от русской девушки. Я рад, что заслужил вашу признательность.

Хюбе был сама вежливость.

– Тебе он нравится? – шепотом спросила Вильма, как только Анастазио отвлек гестаповца.

– Нет, – так же тихо ответила Галка.

– Тогда пошли его к черту.

Совет был неплохой, но, к сожалению, невыполнимый.

– Господин штурмбаннфюрер, – уговаривал немца Анастазио, – выпейте с нами. Вам не мешает освежиться.

– Я нахожусь при исполнении служебных обязанностей. Но ради нашего знакомства…

– За фюрера и дуче! – поднял бокал Анастазио.

Все выпили. Хюбе поблагодарил за угощение и откланялся.

– Друзья, вы не находите, что здесь душно? – поднялась и Вильма, к которой вернулось хорошее настроение. – Не пойти ли нам выкупаться?

Мужчины поддержали Вильму.

Для Галки предложение Вильмы было очень кстати, но она согласилась поддержать компанию только после длительных уговоров.

Был жаркий день. До войны в такую погоду на городском пляже трудно было найти свободное место. Но теперь только одинокие фигуры лежали на прибрежном песке. Возле них, как часовые, стояли тяжелые сапоги с широкими голенищами. Солдатские сапоги на песке были красноречивее вывески у входа: «Только для военных».

Галка и Вильма отыскали единственную уцелевшую на пляже кабину и быстро переоделись. Их спутники уже стояли в воде. Галка не без интереса оглядела крепкие мускулистые – как на подбор – фигуры итальянских офицеров. «Должно быть, все четверо занимаются спортом», – мелькнула у нее мысль.

– Друзья, посмотрите, на горизонте появился малыш Равера.

Все оглянулись. Галка почувствовала, как вздрогнула стоящая рядом Вильма.

– Э-гей, Марио! – крикнул Фарино.

К ним подошел огромного роста сержант. Галка узнала его – он привозил медикаменты в пекарню. От нее не укрылось, что появление Марио смутило присутствующих. Сержант был невесел.

– Здравствуй, малыш! – приветствовал его Фарино. – Раздевайся и идем с нами полоскаться.

– Слушаюсь, капитан, – сухо ответил тот.

– Марио, дружище, зачем так? Ты отлично знаешь, что я для тебя – просто Умберто. И выбрось за борт все эти переживания. В том, что произошло вчера, ты не виноват.

– Оставь, Марио, – коснулась его руки Вильма. – Мы поговорим потом. А сейчас идем плавать.

– Хорошо, синьорина. – Сержант стянул с себя тужурку и бросил ее на песок.

– Внимание! – крикнул Анастазио. – Видите те боны, правее скал? До них не больше полумили. Победитель получает шампанское из общего пая. Девушки идут вне конкурса. Умберто дает форы. Сколько, Умберто?

Фарино окинул взглядом товарищей.

– Учитывая, что с вами Марио, – двести метров.

– Нахал! – рассмеялась Вильма и обернулась к Галке: – Ты хорошо плаваешь?

– Неплохо.

– Держись за мной, – покровительственно хлопнула ее по спине итальянка.

– На старт! – скомандовал Анастазио. – Приготовились. Пошли!

Сильно оттолкнувшись ногами, Галка «ласточкой» врезалась в воду. Она давно не плавала, но самоуверенность итальянцев разозлила ее. Она начала заплыв быстрым кролем. Но уже через полтораста метров стала ослабевать. Не оглядываясь назад, она перешла на плавный, с виду неторопливый брасс. Однако Галка проплыла еще метров двести и только тогда почувствовала, что ее догоняют. Она снова перешла на кроль, но тщетно: еще через пятьдесят метров кто-то из итальянцев обогнал ее. Приближались еще трое. И вдруг Галка подумала, что она пришла сюда вовсе не затем, чтобы состязаться в плавании с офицерами. Она повернулась на бок, давая отдых утомленным мышцам. Теперь ей стали видны состязавшиеся. Одного взгляда на них было достаточно, чтобы понять, что все они прекрасные пловцы. То, что она первые четыреста метров шла впереди, было неудивительно: итальянцы рассчитывали силы на длинную дистанцию и не «рвали» с места, как она. Галка плыла на боку, внимательно наблюдая за ними. Первым, оторвавшись от товарищей метров на сто, шел Марио, за ним – трое; немного отстав от них – Вильма, а позади всех неторопливо, как бы нехотя, плыл Умберто Фарино.

Но вот Фарино увеличил скорость. Быстрее, быстрее, быстрее… Вот он уже обогнал Вильму, поравнялся с тройкой. Впереди него был только Марио. Фарино сделал стремительный рывок и догнал сержанта. Однако Марио не сдавался, хотя было ясно, что Фарино намного «техничнее» его. Но за Марио была физическая сила. Бон они достигли одновременно. Вскоре туда подплыли остальные. Начался спор – кто победитель?

– Друзья! – поднял руку Фарино. – Ни я, ни Марио не заслужили награды. Победила синьорина Галя. От старта на протяжении четырехсот метров она вела заплыв. Вы замечательно плаваете, Галя. У вас есть что-то от большого класса. За полгода я берусь сделать из вас мировую рекордсменку.

– Синьорина Ортынская, соглашайтесь! – закричал Анастазио. – Вас будет тренировать чемпион мира по плаванию.

– Экс-чемпион, – поправил Фарино и рассмеялся. – Значит, договорились: как только кончится война, я начну с вами тренинг.

– Кажется, вам придется долго ждать этой счастливой минуты, синьорина, – усмехнулся Гвидо.

– Кто-то из наших вышел в море! – крикнул Анастазио, успевший забраться на боны.

Все оглянулись в сторону Зеленого мыса.

– Идут сюда?

– Нет. Мористее.

– Пошли на перехват!

От Зеленого мыса параллельно берегу, оставляя за кормой широкий хвост вспененных волн, быстро шел небольшой катер. Вместе со всеми Галка поплыла наперерез. Когда до катера оставалось метров сто, Фарино подпрыгнул и поднял скрещенные руки. На катере выключили мотор.

– Это ребята из группы МАС, – всматриваясь в людей на катере, сказал Анастазио. – Джузеппе и какой-то новенький.

Они подплыли к катеру.

– Эй, Джузеппе, – крикнул Фарино, – куда это вы собрались?

Рослый загорелый парень в майке перегнулся через борт.

– Салют, капитан. Здравствуйте, ребята. Нам командир разрешил прогуляться к скалам Корабельного поселка. Антонио утверждает, что видел там на дне бригантину семнадцатого века. Вот мы и решили немного понырять.

– У вас нет лишнего респиратора? – спросил Фарино.

– Если хотите с нами, я уступлю свой.

– Я с вами. – Фарино подтянулся на руках и ловко перелез через борт. – Анастазио! – крикнул он уже с катера. Захватишь мою одежду. Я оттуда – прямо на базу. Синьорина Галя, помните наш уговор!

Катер ушел, бросив на пловцов пенистую крутую волну.

Когда повернули назад, Галка заметила, что нет Вильмы. Она сказала об этом плывшему рядом Анастазио.

– Не беспокойтесь, не утонет, – отозвался тот.

У бон решили отдохнуть – состязание утомило всех.

Взобравшись на мокрые, ослизлые бревна, Галка подставила лицо солнцу. К ней подсел Анастазио и будто невзначай коснулся ее плеча. Галка стряхнула его руку, посмотрела сердито.

– У вас какие-то шальные глаза, – невольно отодвигаясь, казал Анастазио и тут же, пытаясь обратить все в шутку, стал рассказывать какую-то, по его мнению, забавную историю.

Его трескотня не мешала Галке прислушиваться к разговорам других офицеров. Однако ничего интересного она не слышала – итальянцы болтали о пустяках; о потопленном госпитальном судне уже не вспоминали. Но вот до нее донесся голос Вильмы. Галка оглянулась.

Вильма только выбралась из воды и сидела поодаль на бревнах рядом с сержантом Марио Равера. Гигант что-то рассказывал ей.

– …Мы вышли в полночь на «Санта Марии», – разобрала Галка. – После той неудачной атаки самовзрывающихся катеров командир решил делать ставку на нашу группу…

Галка насторожилась. Всплеск волны заглушил голос Раверы.

– Жарко. Пойду окунусь, – сказала Галка Анастазио и соскользнула в воду.

Но плавала она недолго, минуты через две девушка снова взобралась на боны, но уже левее того места, где сидела перед тем, ближе к Вильме и ее собеседнику.

Галка легла ничком на бревна. Казалось, она просто загорает. Во всяком случае ни Вильма, ни Равера не обратили на нее внимания. Они сидели метрах в десяти, и девушка слышала все, что говорил Марио.

– …«Санта Мария» шла все время под перископом, – рассказывал сержант. – Так приказал адмирал Рейнгардт. Ночь была лунная, и адмирал отчаянно трусил, хотя сам напросился в этот поход. Часа через два мы вошли в зону минных полей противника. Перед тем командир заглянул в минный отсек и сообщил, что лодка идет курсом на военно-морскую базу русских. Задача – атаковать стоящие на рейде корабли нашими «майяле», так как в виду сильной противолодочной охраны «Санта Мария» не сможет приблизиться к цели для нанесения обычного торпедного удара. Но дело было не в этом. Мы отлично понимали, что немецкий адмирал не зря увязался с нами. Он хотел посмотреть – это было ясно и ребенку – работу нашей группы.

Сержант замолчал, и Галка услышала, как лениво плещется волна о боны. Пахло водорослями, осклизлые хвосты которых спадали с бревен в воду.

– Мы пробирались через минное поле, – снова заговорил Марио. – Вдруг что-то царапнуло снаружи по левому борту. Видимо, лодка задела минреп. Командир резко отвернул вправо, и тут же какой-то предмет сильно ударил в правый борт. Возможно, то был затонувший корабль, а может, и подводный риф. Но все обошлось благополучно. В четыре тридцать командир вызвал меня и Гвидо в боевую рубку. Там же был этот Рейнгардт. Командир сказал, что примерно в десяти кабельтовых от нас на внешнем рейде стоит большой русский теплоход, который мы должны атаковать двумя «майяле». Гвидо спросил разрешения взглянуть в перископ. Когда он оторвался от трубы, лицо его было растерянным. «Командир, – сказал он, – это госпитальное судно». Адмирал Рейнгардт, видимо, понял его и стал кричать по-немецки на командира, что тот распустил своих подчиненных и позволяет им обсуждать боевой приказ. Командир сказал нам, что русские маскируют свой транспорт с авиабомбами под госпитальное судно и что об этом у адмирала имеются совершенно точные сведения. Когда командир говорил это, он не смотрел нам в глаза. Но мы поверили ему, как верили всегда. Я, Гвидо, Анастазио и Беллависта надели костюмы, респираторы и вышли через верхний люк. Когда мы осмотрели футляры на бортах, оказалось, что правый заклинило при ударе о риф. Извлечь из него «майяле» нам не удалось. Делать было нечего – я с Беллавистой пошел на второй «майяле», а Гвидо и Анастазио вернулись на лодку. Мне незачем рассказывать, вам, синьорина, как мы вышли на цель. Вы знаете, как это делается. Мы благополучно подобрались к русскому теплоходу, укрепили заряд на его боковом киле, включили часовой механизм. Разъединительная муфта не сработала. Мы решили оставить всю торпеду и возвращаться назад вплавь. Еще не достигли лодки, когда раздался сильный взрыв. Я всплыл и, чтобы лучше видеть, снял маску. Уже совсем рассвело, и мне было отлично видно гибнущее судно. Оно казалось совсем близко, хотя уже мы отплыли на пять-шесть кабельтовых. Я никогда не забуду этой минуты, синьорина. Я видел, ясно видел забинтованных, беспомощных людей на кренящейся палубе теплохода и других – в белых халатах, – которые тщетно пытались помочь раненым. Потом судно повернулось оверкиль.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.